Русская Революція и Анархизмъ.

Доклады читанные на съѣздѣ Коммунистовъ-Анархистовъ, въ октябрѣ 1906 года.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Кропоткина.



ЛОНДОНЪ

1907.

ДОКЛАДЫ

И

ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Въ октябрѣ 1906 года, передъ тѣмъ какъ возобновить изданіе Листки «**ХЛѢБЪ и ВОЛЯ**», нѣсколько товарищей коммунистовъ-анархистовъ, собрались для обсужденія разныхъ вопросовъ, выставленныхъ опытомъ молодого анархическаго движенія въ Россіи. Было прочтено, для этого, нѣсколько Докладовъ, и приняты были Заключенія.

И тѣ и другія были напечатаны въ „Листкахъ“, а теперь печатаются отдѣльною брошюрою, какъ матеріалъ для товарищескаго обсужденія въ Россіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЯ СЪѢЗДА.

I. — Политическая и экономическая революція.

1. — Наша цѣль — соціальная революція, т. е. полное уничтоженіе Капитализма и Государства, и замѣна ихъ Анархическимъ Коммунизмомъ. Эту конечную цѣль мы всегда должны имѣть въ виду, и ею мы должны руководиться въ оцѣнкѣ совершающихся событій.

Характеръ революціи, начавшейся въ Россіи, уже опредѣлился. Она происходитъ не въ видѣ уличнаго бунта, ведущаго къ созыву парламента, а въ видѣ народной революціи, которая продлится нѣсколько лѣтъ, низвергнетъ старый порядокъ вообще и глубоко измѣнитъ **всѣ экономическія отношенія, вмѣстѣ съ политическимъ строемъ.**

Въ обоихъ этихъ направленіяхъ мы и должны вести борьбу противъ стараго строя. Дѣлить ее во времени на два періода: одинъ для полученія представительнаго правленія, а другой — для полученія экономическихъ реформъ, — мы считаемъ положительно невозможнымъ. Мы утверждаемъ, наоборотъ, что народъ только то и получитъ отъ революціи, въ области экономической, что онъ самъ возьметъ революціоннымъ путемъ. Самое „революціонное“ Учредительное Собраніе будетъ только сдѣлкою между старымъ порядкомъ и новымъ, и сможетъ только утвердить на бумагѣ то, что народъ сдѣлаетъ на дѣлѣ.

Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы могли относиться безучастно къ борьбѣ, ведущейся теперь противъ самодержавія. Мы боремся противъ Государства, но не въ отвлеченной идеѣ, а въ тѣхъ формахъ, которыя оно принимаетъ въ жизни народовъ. Поэтому, мы боремся противъ него всегда и вездѣ, и очевидно не можемъ не бороться противъ самаго худшаго его воплощенія — самодержавія, которое представляетъ собою самую сильную и самую стойкую форму государства, — самый сильный оплотъ крупнаго землевладѣнія и капитализма — самое ужасное орудіе богатыхъ и властныхъ для доведенія народа до нищеты и духовнаго рабства.

Чѣмъ сильнѣе — именно теперь — будетъ наша борьба противъ русскаго самодержавнаго государства, чѣмъ больше будетъ доля народа, а вмѣстѣ съ народомъ — и наша доля въ ниспроверженіи теперешняго самовластья опричниковъ, — тѣмъ слабѣе будетъ та новая форма государственнаго гнета, которая можетъ создаться на развалинахъ самодержавія.

Если мѣсто самодержавія заступитъ всероссійскій парламентъ, то чѣмъ сильнѣе выступятъ народныя массы въ сверженіи самодержавія, и чѣмъ больше будетъ ихъ участіе въ созиданіи новыхъ, мѣстныхъ формъ жизни страны, — тѣмъ слабѣе будетъ власть буржуазіи и помѣщиковъ въ парламентѣ, и тѣмъ легче будетъ вести дальнѣйшую борьбу.

Въ Думѣ намъ дѣлать нечего: у насъ есть своя работа. Но наша работа — вовсе не въ томъ, чтобы бороться противъ сторонниковъ Думы, которые борятся съ самодержавіемъ. Наше дѣло — въ томъ, чтобы **проводить въ народныя массы идею захвата народомъ всего того что нужно для жизни и производства** — земли, фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. — и бороться, вмѣстѣ съ народомъ, противъ мѣръ, которыя законодатели захотятъ принять въ интересахъ капитализма и государственной централизаціи.

Наше мѣсто всегда, вездѣ — среди народа, вмѣстѣ съ народомъ, чтобы Русская Революція была шагомъ впередъ сравнительно съ революціей французской и американской.

II. О грабежѣ и экспропріаціи.

На нашемъ съѣздѣ мы тщательно обсуждали вопросъ о такъ называемой „экспропріаціи", личной и групповой, и собирались изложить наши мысли въ видѣ докладовъ и заключеній.

Мы хотѣли указать на необходимость удержать слово „экспропріація" для такого насильственнаго отчужденія земли, фабрикъ, заводовъ, домовъ и т. д., которое производится цѣлымъ обществомъ — сельскимъ, городскимъ и т. д. — въ интересахъ всей деревни, города, области или народа; а не употреблять его для обозначенія актовъ личнаго или группового присвоенія средствъ, — хотя бы и въ видахъ революціонныхъ.

Стремясь къ экспропріаціи земли и всѣхъ средствъ производства русскимъ народомъ, намъ не слѣдуетъ, думали мы, заранѣе съуживать смыслъ этой великой идеи — основѣ всего коммунистическаго міросозерцанія.

Мы хотѣли также указать на опасность, которая представилась бы для всякой революціонной партіи — тѣмъ болѣе, во время революціи — если бы захватъ денегъ, гдѣ попало, хотя бы и на строго революціонныя дѣла, вошелъ въ программу дѣятельности партіи и черезъ то получилъ бы широкое распространеніе. Признавая вполнѣ всѣ необходимости боевого времени, мы хотѣли показать, какъ умноженіе актовъ грабежа всегда деморализовало арміи, допускавшія его, какъ средство жизни въ непріятельской странѣ; и мы хотѣли напомнить, какъ во время Великой Французской революціи дѣло дошло до того, что вокругъ крайнихъ революціонныхъ партій, имѣвшихъ въ виду общее благо, развилось такое множество людей преслѣдовавшихъ цѣли личной наживы, — что об-

щественное мнѣніе наконецъ не могло разбираться между тѣми и другими. Этимъ и воспользовались, конечно, сперва умѣренныя, а потомъ реакціонныя партіи, чтобы поднять общественное мнѣніе трудящагося н а р о д а противъ крайнихъ революціонеровъ, и задушить ихъ, а съ ними — задушить и Революцію вообще.

Мы хотѣли изложить эти и другія соображенія.

Но за послѣднія двѣ-три недѣли, дѣла въ Россіи приняли опять новый оборотъ. Царское правительство ввело военно-полевые суды, и эти суды принялись безпощадно казнить всѣхъ революціонеровъ, обрушиваясь съ особою яростью, на тѣхъ, которыхъ захватываютъ на грабежѣ, или только подозрѣваютъ въ соучастіи.

Каждодневно, повсемѣстно идутъ казни, и въ тюрьмахъ вѣшаютъ безъ конца, даже юношей, безъ всякаго суда и разбора, утверждая, что вѣшаютъ за грабежъ. И каждый день геройски умираютъ революціонеры, отдавая свои молодыя жизни за дѣло освобожденія русскаго народа.

Спокойно разсуждать теперь, о томъ насколько цѣлесообразно для революціи грабить государственныя и общественныя учрежденія, — нѣтъ никакой возможности. Когда правительство свирѣпо набрасывается и казнитъ безъ разбора за грабежъ, а само, вмѣстѣ съ тѣмъ прямо, открыто организуетъ разбои, грабежъ и убійство на улицахъ черезъ черныя сотни; когда погромы и разграбленія евреевъ организуются даже въ министерствахъ съ одобренія петергофскаго дворца, а у убиваемыхъ черносотенцами нѣтъ даже оружія для самозащиты — въ такихъ условіяхъ разсужденія безсильны. Дѣйствуя такимъ образомъ, правительство, само толкаетъ всѣхъ на всеобщій грабежъ и заранѣе оправдываетъ всякое насиліе.

Все что мы можемъ сдѣлать, поэтому, это — напомнить товарищамъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ мы не должны упускать главныхъ, великихъ задачъ Революціи.

Понятно, что когда между чиновничествомъ, окружающимъ самодержавный престолъ, и русскимъ народомъ началась война на жизнь и смерть, и когда правители

Россіи не останавливаются даже передъ такими средствами, какъ вѣшанье малолѣтнихъ безъ суда, какъ избіеніе женщинъ и дѣтей на улицахъ и организація грабежа и погромовъ государственными средствами, — при такихъ условіяхъ, о нравственныхъ началахъ трудно разсуждать.

Но, все-таки, главная, всемогущая, все-побѣждающая сила Революціи — не въ ея матеріальныхъ средствахъ. Матеріально, всякая революція слабѣе Государства, такъ какъ всякая революція дѣлается меньшинствомъ. Главная сила революціи — въ ея нравственномъ величіи, въ величіи преслѣдуемыхъ ею цѣлей для блага всего народа, въ сочувствіи, которое она встрѣчаетъ въ массахъ, во впечатлѣніи, которое она производитъ на милліоны людей, — въ ея обаяніи. А эта сила всецѣло зависитъ отъ началъ, проводимыхъ ею въ жизнь.

Безъ этой нравственной силы, никакая революція никогда не была бы возможна. Ее — мы и должны беречь больше всего, — каковы бы ни были минутныя условія борьбы.

А сохранить эту нравственную силу Революціи мы можемъ только тогда, если будемъ помнить, всегда и вездѣ, какъ это и дѣлаютъ повсемѣстно русскіе крестьяне, что цѣль революціи — не переходъ богатствъ изъ однихъ частныхъ рукъ въ другія, — а переходъ ихъ изъ частныхъ рукъ въ руки общества, массы народа.

Къ этой высокой общественной цѣли и должны мы стремиться прежде всего, помня, что достичь ея нельзя въ одиночку; что для этого нужно совмѣстное дѣйствіе массъ народа; и что поэтому нужно строго беречь нравственный обликъ, съ которымъ русскій революціонеръ до сихъ поръ всегда являлся передъ русскимъ народомъ.

III. — Объ актахъ личнаго и коллективнаго протеста.

Въ нашей литературѣ неоднократно указывалось на неизбѣжность тѣхъ актовъ индивидуальнаго или коллективнаго протеста противъ опоръ современнаго общественнаго строя, которые носятъ названіе террора. Въ не революціонное время они служатъ часто признакомъ общественнаго пробужденія и поднимаютъ духъ независимости въ массѣ. Они подаютъ примѣръ личнаго геройства на служеніе общественному дѣлу и тѣмъ самымъ будятъ равнодушное большинство; вмѣстѣ съ тѣмъ они подрываютъ вѣру въ могущество политическихъ и экономическихъ угнетателей. Въ революціонную же эпоху они становятся общимъ явленіемъ, и не однѣ только исключительно героическія личности отвѣчаютъ вооруженнымъ отпоромъ на давящій ихъ гнетъ. Въ такое время не нужно даже быть принципіальнымъ революціонеромъ, чтобы сочувствовать этого рода актамъ. Но, признавая это общее положеніе, необходимо однако помнить, что значеніе каждаго террористическаго акта измѣряется его результатами и производимымъ имъ впечатлѣніемъ.

Это соображеніе можетъ служить мѣриломъ того какого рода акты содѣйствуютъ революціи, и какіе могутъ оказаться напрасной тратой жизней и силъ. Первое условіе, которое ставитъ жизнь, это — чтобы данный террористическій актъ былъ понятенъ всякому безъ длинныхъ объясненій и сложной мотивировки. Есть личности, настолько извѣстныя своею дѣятельностью (все равно, въ цѣлой ли странѣ или среди населенія данной мѣстности), что при извѣстіи о нападеніи на нихъ каждому тотчасъ же, безъ помощи революціонныхъ изданій, вспоминается ихъ прошлое, и террористическій актъ представляется совершенно яснымъ. Если же для пониманія даннаго акта, человѣку изъ массы, не революціонеру, приходится продѣлать цѣлую головоломную работу, то вліяніе его сво-

дится на нуль, или даже оказывается отрицательнымъ; актъ протеста превращается тогда въ глазахъ массы въ непонятное убійство.

Дѣленіе террора на политическій и экономическій, на центральный или „разлитой“, мы находимъ совершенно искуственнымъ. Мы боремся одинаково съ экономическимъ и политическимъ гнетомъ, съ гнетомъ центральнаго правительства, какъ и съ гнетомъ мѣстной власти.

Есть въ вопросѣ о террорѣ другая сторона — организаціонная. Мы считаемъ, что террористическій актъ есть дѣло рѣшимости отдѣльной личности или кружка помогающихъ ей товарищей; поэтому централизованный терроръ, въ которомъ дѣйствующая личность играетъ роль исполнителя чужихъ рѣшеній, противенъ нашимъ понятіямъ. Какъ мы не считаемъ возможнымъ удерживать товарищей отъ революціонныхъ актовъ во имя партійной дисциплины, такъ точно мы не считаемъ возможнымъ и приглашать ихъ отдать свою жизнь въ дѣлѣ, которое рѣшено и предпринято не ими.

Главное различіе по вопросу о террорѣ между нами и политическими партіями заключается въ томъ, что мы вовсе не думаемъ, чтобы терроръ могъ служить средствомъ для измѣненія существующаго порядка, а видимъ въ немъ только проявленіе совершенно естественнаго чувства возмущенной совѣсти, или же самозащиты, которое, именно вслѣдствіе этого, и имѣетъ агитаціонное значеніе, способствуя развитію такого же чувства возмущенія среди народа.

IV. — Вопросъ объ организаціи.

Русскіе коммунисты-анархисты, отрицая, подобно ихъ западноевропейскимъ товарищамъ, всякія формы іерархической (лѣстничной) организаціи, свойственныя партіямъ соціалистовъ государственниковъ, стремятся осуществить въ своей средѣ другой типъ организаціи на основѣ свободнаго соглашенія независимыхъ группъ между собою.

Необходимымъ условіемъ прочности и успѣшности такого рода организаціи является тѣсная связь всѣхъ членовъ внутри каждой отдѣльной группы, а потому полезнѣе имѣть въ городахъ и большихъ селеніяхъ нѣсколько меньшихъ группъ, объединенныхъ въ федераціи, чѣмъ одну большую группу.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя группы берутъ на себя какія нибудь спеціальныя обязанности, онѣ ни въ какомъ случаѣ не становятся комитетами, такъ какъ ихъ рѣшенія не обязательны для другихъ группъ, если онѣ съ ними несогласны.

Связь между отдѣльными группами лучше всего достигается — не черезъ посредство постоянныхъ комитетовъ заранѣе выбираемыхъ для управленія всѣми разнообразными дѣлами федераціи. Такіе комитеты всегда стремятся стать, и очень скоро становятся, какъ и всякое правительство, тормазомъ дальнѣйшаго развитія.

Гораздо лучшая связь между группами, какъ доказано опытомъ, можетъ быть достигнута путемъ особыхъ совѣщаній, созываемыхъ группами періодически въ извѣстные промежутки времени, или же по каждому данному вопросу, выдвигаемому самой жизнью, — причемъ такія совѣщанія составляются изъ товарищей, посылаемыхъ своими группами ради данной спеціальной цѣли, и ихъ постановленія не обязательны для группъ, а могутъ быть приняты или отвергнуты ими.

Этотъ способъ организаціи лучше предохраняетъ отъ расколовъ въ партіи, чѣмъ обыкновенный способъ іерархическихъ организацій, и многолѣтній опытъ доказалъ, что вопреки господствующему мнѣнію, — между многочисленными свободными анархическими группами легче достигается соглашеніе и единство въ дѣйствіяхъ. Несмотря на отсутствіе партійной дисциплины и принужденія, различіе мнѣній по частнымъ вопросамъ не мѣшаетъ соглашенію на практической дѣятельности, — причемъ среди анархистовъ удерживается самая драгоцѣнная черта

въ революціонные періоды — именно способность личнаго почина.

Между тѣмъ, въ организаціяхъ лѣстничныхъ, покоряющихся центральной власти, соглашеніе бываетъ только кажущееся, и „дисциплина" покупается многолѣтними внутренними разногласіями, при которыхъ несогласныя фракціи парализуютъ дѣятельность другъ-друга, и то что давно отжило свое время и должно было-бы уже исчезнуть, искуственно поддерживается дисциплиной и мертвитъ партію.

V. — О рабочихъ союзахъ.

Въ Россіи, какъ и вездѣ, среди анархистовъ возникаетъ вопросъ, нужно ли намъ принимать живое участіе въ рабочихъ организаціяхъ. Вопросъ этотъ, какъ показалъ опытъ Западной Европы, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Среди рабочихъ всего міра идетъ въ настоящее время глубокое движеніе, имѣющее цѣлью создать громадную организацію, охватывающую всѣ классы рабочихъ и организованную интернаціонально, внѣ всякихъ политическихъ партій. Другими словами, рабочіе стремятся возродить Интернаціоналъ шестидесятыхъ годовъ въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ до тѣхъ поръ пока интриги нѣмецкихъ соціальдемократовъ, желавшихъ обратить Интернаціоналъ въ политическую партію, не парализовали могучую рабочую организацію.

Рабочіе понимаютъ, что при наступленіи революціи, имъ придется сыграть главную роль, и что они, одни, въ силахъ будутъ придать ей характеръ революціи соціальной. Они понимаютъ также, что могучіе профессіональные союзы, охватывающіе международно всѣхъ рабочихъ данной отрасли труда, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кадры, изъ которыхъ начнетъ вырабатываться будущій строй.

Соціальдемократы смотрятъ на рабочіе союзы, какъ на подспорье политической борьбѣ; анархисты же смотрятъ на нихъ какъ на естественные органы прямой борьбы съ капиталомъ и для склада будущаго строя — органы необходимые сами по себѣ, для своихъ, рабочихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, въ Западной Европѣ, анархисты достигли уже значительныхъ успѣховъ. Не менѣе успѣшна также наша пропаганда всеобщей стачки, которая быстро распространяется среди рабочихъ союзовъ въ Европѣ, въ Америкѣ и даже въ Австраліи*).

Значеніе всеобщей стачки для Россіи мы всѣ могли оцѣнить въ прошломъ Октябрѣ, когда даже невѣрующіе должны были убѣдиться въ ея революціонномъ могуществѣ. Но еще нужнѣе окажутся рабочіе союзы въ ближайшемъ будущемъ. Съ созывомъ Думы, многія революціонныя силы отвлекутся на созиданіе буржуазнаго строя, и рабочимъ союзамъ придется выступать, все болѣе и болѣе, какъ силѣ соціалистической или коммунистической, полагаясь лишь на самихъ себя.

Въ виду этого мы думаемъ, что мы обязаны принимать дѣятельное участіе въ жизни рабочихъ союзовъ, —не давать ихъ эксплуатировать политическимъ партіямъ и вносить въ нихъ революціонную мысль вообще, стремясь создать изъ нихъ ту силу, которая могла бы приступить къ планомѣрной массовой экспропріаціи.

Въ практикѣ передъ нами возникаетъ вопросъ, — вступать ли анархистамъ въ рабочіе союзы, уже существующіе — или же стремиться создавать новые союзы на анархическихъ началахъ?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы хотѣли бы провѣрить наши соображенія результатами ра-

*) Если она не была начата во Франціи прошлаго 1-го мая, то этому помѣшало тревожное состояніе Европы. Французкіе рабочіе чувствовали, что съ минуты на минуту могла вспыхнуть война Франціи и Германіи, на которую Францію толкала Англія.

боты мѣстныхъ людей въ Россіи. Мы думаемъ, однако, что вездѣ гдѣ окажется возможность, анархистамъ слѣдовало бы создавать новые рабочіе, анархическіе союзы, которые могли бы вступать въ федеративныя отношенія съ другими союзами той же отрасли труда. Тамъ же, гдѣ существуютъ союзы безпартійнаго характера, тамъ, анархистамъ слѣдовало бы вступать въ нихъ.

VI — Всеобщая стачка.

Въ настоящее время мы можемъ смѣло сказать, что всеобщая стачка, на которую нашими западно-европейскими товарищами неустано указывалось за послѣдніе годы, какъ на средство правильно поставить начинающуюся революцію, дѣйствительно оказалась могучимъ орудіемъ борьбы, и что въ такіе моменты какъ переживаемый нынѣ Россіею, она можетъ происходить съ единодушіемъ и всеобщностью, которыя прежде не считались возможными.

Мы думаемъ поэтому, что всеобщая стачка и впредь должна считаться нами могучимъ средствомъ борьбы.

Принимая однако во вниманіе опытъ прошлой зимы, мы должны помнить, что всеобщая стачка не есть средство, къ которому можно прибѣгать по волѣ центральныхъ комитетовъ, и которую можно вызвать во всякое время простымъ постановленіемъ большинства рабочихъ делегатовъ. Не говоря уже о томъ что всеобщая стачка сопряжена для рабочихъ массъ съ невыразимыми лишеніями и страданіями, и уже по этому одному, рабочіе могутъ прибѣгать къ ней только черезъ долгіе промежутки времени, — вообще забастовка только тогда можетъ быть успѣшна, когда она вытекаетъ изъ желанія громаднаго большинства рабочей массы. Если, вообще говоря, рѣшеніе вопросовъ небольшимъ большинствомъ представителей есть плохое средство, то въ данномъ случаѣ оно совершенно неприложимо, и всякая попытка навязать рабочимъ всеобщую стачку въ цѣляхъ борьбы съ само-

державіемъ можетъ повести только къ жестокимъ потерямъ, пораженію и разочарованію, — если потребность во всеобщей забастовкѣ не сознается въ извѣстную минуту значительною массою рабочихъ.

Прибавимъ еще, что хотя всеобщая забастовка и оказывается хорошимъ средствомъ борьбы, она не избавляетъ прибѣгнувшій къ ней народъ отъ необходимости вооруженной борьбы съ господствующимъ строемъ.

Еще разъ подтверждая всю важность всеобщей стачки, мы указываемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на необходимость, одновременно не упускать изъ вида обязательно-необходимой подготовительной работы, — въ средѣ крестьянъ и рабочихъ, въ виду немедленнаго использованія первыхъ же результатовъ побѣдъ, одержанныхъ путемъ всеобщей стачки, съ тѣмъ чтобы не дожидаясь дальнѣйшаго развитія событій, немедленно приступать къ экспропріаціи земли, орудій производства и средствъ потребленія, хотя бы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и городахъ, гдѣ это представится возможнымъ.

ДОКЛАДЫ.

I.

РЕВОЛЮЦІЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

П. Кропоткина.

Въ № 14-омъ Хлѣбъ и Воля были напечатаны рѣшенія небольшого съѣзда, состоявшагося въ декабрѣ 1904-го года, на которомъ нѣсколько товарищей, анархистовъ-коммунистовъ, высказали свои мнѣнія относительно необходимости образованія анархической партіи въ Россіи и вкратцѣ указали основныя начала, на которыхъ партія могла бы сформироваться.

Съ тѣхъ поръ, въ Россіи произошелъ цѣлый рядъ крупныхъ событій, которыя уже въ корень переродили всю жизнь страны и глубоко отзовутся на всей ея дальнѣйшей исторіи. Революція разлилась широкою волною по всей Россіи, Сибири, Польшѣ, Кавказу и т. д., и мы имѣемъ передъ собою почти двухъ-годовой опытъ революціонной жизни. А потому, возобновляя теперь наше временно пріостановленное изданіе и приступая къ изданію Листковъ «Хлѣбъ и Воля», мы сочли нужнымъ собраться въ числѣ нѣсколькихъ товарищей и тщательно обсудить, что далъ намъ опытъ этихъ лѣтъ.

Прежде всего мы отмѣчаемъ, что мы не ошиблись тогда въ нашемъ основномъ положеніи. Переходъ отъ самодержавія къ какой нибудь формѣ представительнаго правленія, къ которому вело все развитіе Европы въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и о которомъ заговорила тогда Россія, не совершился у насъ тѣмъ путемъ, какимъ подобный пере-

ходъ совершился въ 1848-мъ году въ германскихъ государствахъ, и какъ того ожидали теоретики, воспитанные на нѣмецкой соціальдемократической литетатурѣ. Онъ идетъ у насъ тѣмъ путемъ, какимъ шелъ въ Англіи, въ 1648 — 1688 годахъ, и во Франціи въ 1789 — 1794, — т. е. путемъ народной революціи, продолжающейся нѣсколько лѣтъ и глубоко измѣняющей существующія отношенія, политическія и экономическія, — революціи, низвергающей Старый Порядокъ и водворяющей Новый.

Требованія, выставленныя народными массами въ Россіи, оказались гораздо шире тѣхъ, которыми довольствовались Берлинскіе рабочіе въ 1848-мъ году. Русскіе городскіе рабочіе уже выставили широкія экономическія требованія и еще не сказали въ этомъ отношеніи своего послѣдняго слова; а крестьяне заявили свое право, не только на тѣ земли, которыя были отняты у нихъ въ 1861-мъ году во время освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и на всѣ земли, отнятыя раньше у народа, боярами и вельможами, путемъ захвата или царскихъ законовъ.

Программы, которыми хотѣли заранѣе ограничить русскую революцію, полетѣли, такимъ образомъ, какъ карточные домики, едва народъ началъ выступать на борьбу.

Кромѣ того, самыми могучими силами въ русской революціи оказались городскіе рабочіе и крестьяне. Они сразу опередили революціонеровъ изъ имущихъ классовъ. Если самодержавіе пошло уже на уступки, то вынудили эти уступки такія массовыя событія, какъ манифестація 9-го января 1905-го года, почти всеобщія стачки въ маѣ того же года въ Польшѣ, всеобщая забастовка въ октябрѣ, повсемѣстныя волненія въ городахъ, и наконецъ широко разлившіяся крестьянскія возстанія, начавшіяся съ осени 1904-го года и продолжающіяся по сію пору; причемъ очевидно, что глубоко возмущенныя крестьянскія массы не успокоятся, пока не будетъ признано ихъ право на всѣ вышеупомянутыя земли.

Благодаря этому, дѣло русской революціи сразу поставлено такъ, что переворотъ, у насъ, не можетъ ограничиться однимъ измѣненіемъ формы правленія и замѣной Петергофской дворни представительною Думою. Переворотъ совершается у насъ, экономическій, вмѣстѣ съ политическимъ. И совершается экономическая ломка — не черезъ новыя представительныя учрежденія, — какъ того желали и требовали наши буржуазно-демократическія партіи, а самимъ возстающимъ народомъ.

Сама жизнь доказала, такимъ образомъ, что мы были правы, когда заявляли, два года тому назадъ, что не признаемъ возможнымъ дѣлить борьбу на два послѣдовательныхъ періода: одинъ, для политическаго переворота, а другой — для экономическихъ реформъ, которыя будтобы совершитъ русскій парламентъ. Вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ мы боремся противъ самодержавія; но мы обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ работать, чтобы расширить борьбу и направить ее одновременно противъ капитала и противъ государства.

Мало того. Мы утверждаемъ, что только то и будетъ достигнуто для улучшенія матеріальной жизни крестьянъ и рабочихъ — только то и положитъ конецъ голодовкамъ въ Россіи и вымиранію милліоновъ рускаго народа, — только то дастъ народу возможность двигаться дальше на пути къ полному освобожденію, — чего крестьяне и рабочіе добьются сами, революціоннымъ путемъ. Волю цари не дарятъ; парламенты ее также не даютъ: ее надо брать самимъ.

Уговаривать, по этому, рабочихъ, чтобы они на время отложили свои экономическія требованія, и увѣрять ихъ, что они всего этого лучше достигнутъ черезъ Думу, — или же увѣрять крестьянъ, что надо бунтовать, чтобы получить Учредительное Собраніе, а оно уже дастъ имъ землю и волю, — въ нашихъ глазахъ преступно. Люди, проповѣдующіе такую тактику, должны былибы знать, что никогда, нигдѣ, никакой парламентъ, даже

во время революціи, не бралъ и не могъ взять на себя совершеніе серьезныхъ экономическихъ преобразованій законодательнымъ путемъ.

Всякій Парламентъ, всякая Дума, всякое Учредительное Собраніе по существу своему, есть сдѣлка между партіями будущаго и партіями прошлаго. А потому, онъ не можетъ принять никакой революціонной мѣры. Самый революціонный парламентъ можетъ только утвердить, узаконить то, что уже будетъ совершено народомъ. Самое большее что онъ можетъ сдѣлать, это — распространить (на бумагѣ, по крайней мѣрѣ) на всю страну то, что сдѣлано уже въ значительной части страны. Но и то бываетъ только подъ давленіемъ извнѣ, и такое распространеніе тогда только и переходитъ въ жизнь когда на мѣстахъ, на дѣлѣ, народъ совершаетъ переворотъ*).

Мы прекрасно знаемъ, что даже при указанныхъ сейчасъ благопріятныхъ условіяхъ, совершающійся въ Россіи переворотъ все-таки не будетъ соціальной революціей. Но онъ можетъ быть шагомъ, облегчающимъ затѣмъ успѣхъ

*) Самый революціонный парламентъ въ исторіи былъ Конвентъ, избранный во Франціи, въ сентябрѣ 1792 года, тотчасъ послѣ того, какъ народъ Парижа взялъ королевскій дворецъ и засадилъ короля въ тюрьму. Этотъ Конвентъ призналъ, въ іюнѣ и въ іюлѣ 1793 года, уничтоженіе, безъ выкупа, всѣхъ крѣпостныхъ (феодальныхъ) правъ, и возвратъ сельскимъ общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ помѣщиками за предыдущіе 225 лѣтъ, — послѣ того какъ крестьяне совершили уже и то и другое на дѣлѣ, въ большей половинѣ Франціи. Но — чтобы добиться этихъ двухъ законовъ отъ Конвента, революціонной части Конвента пришлось, 31 мая 1793 года, поднять Парижскій народъ противъ Конвента и, при помощи Парижской Коммуны, заарестовать другую часть Конвента, т. е. 214 членовъ, изъ которыхъ 34 были объявлены внѣ закона и казнены, а 180 засажены въ тюрьму. И это — для того чтобы провести такое явно справедливое рѣшеніе, которое въ части Франціи, крестьяне уже сами провели и совершили.

соціальной революціи, *если улучшеніе матеріальнаго и правового положенія крестьянъ и рабочихъ будетъ достигнуто революціоннымъ путемъ, а не путемъ законодательныхъ полу-мѣръ.*

Если русская революція дѣйствительно приметъ такой характеръ, — а отъ насъ самихъ многое зависитъ въ этомъ отношеніи — въ такомъ случаѣ въ Россіи не создастся той крѣпкой и сильной власти феодально-буржуазнаго государства, которая создалась въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Англіи и въ 1848-мъ году въ Германіи, и которая затормозила на долгіе годы дальнѣйшее освобожденіе рабочихъ и крестьянъ.

Если русскіе крестьяне *завоюютъ* себѣ землю, а также личную и общинную свободу, если они утвердятъ право на землю для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ воздѣлывать ее своими руками, и заставятъ Думу признать этотъ совершившійся фактъ; если русскіе рабочіе, теперь же, во время начавшейся революціи, *завоюютъ* условія, дающія имъ возможность обще-человѣческаго развитія, не только уменьшая рабочій день, но и утвердивши свое право и возможность, самимъ, непосредственно завѣдывать промышленностью, — если они осуществятъ только это, а осуществить при теперешнемъ положеніи они могли бы и больше, — тогда, какая бы форма представительнаго правленія ни народилась въ Россіи, она уже не пріобрѣтетъ той власти, которую пріобрѣлъ Наполеонъ I послѣ Революціи, или же Бисмаркъ послѣ уличнаго бунта въ Берлинѣ, побудившаго прусскаго короля созвать Парламетъ. Тогда русскій Парламентъ уже не будетъ могучимъ оплотомъ буржуазіи. Въ худшемъ случаѣ онъ будетъ только мертворожденнымъ учрежденіемъ переходнаго періода.*)

---

*) Вспомнимъ, что во Франціи, во время Великой Революціи, несмотря на невѣроятное истощеніе, въ которое повергли ее войны, объявленныя ей всѣми монархіями (въ революціонныхъ войнахъ погибло болѣе милліона самыхъ отважныхъ

* * *

Опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что нашу конечную цѣль, т. е. разрушеніе капитализма и его вѣрнаго слуги, государства, и замѣну ихъ вольнымъ коммунизмомъ, — мы постоянно должны имѣть въ виду, какъ бы ни было далеко ихъ конечное осуществленіе. Она одна даетъ намъ вѣрную мѣру для оцѣнки всѣхъ совершающихся событій и нашихъ собственныхъ дѣйствій во время революціи.

Но мы поступили бы безумно, если бы мы ограничили свою борьбу исключительно экономическою программою, оставшись безучастными въ совершающейся теперь политической борьбѣ противъ самодержавія. Самодержавіе — одна изъ самыхъ вредныхъ формъ государственности, хотя бы уже потому, что она даетъ государству такія страшныя силы, что борьба противъ нея требуетъ неимовѣрныхъ усилій и жертвъ, — у насъ въ Россіи, она ведется уже полъ-столѣтія, если не больше. Ею держалось крѣпостное рабство, ею доведена крестьянская Россія до ея ужаснаго, нищенскаго состоянія, и ею она держится въ этомъ состояніи; ею поддерживается рабство и экономическая приниженность вездѣ, въ Европѣ. Самодержавная Россія была жандармомъ Европы противъ народныхъ революцій 1848-го года. Она помогала, больше чѣмъ кто либо, задушить соціализмъ 1848-го года, и она же, вмѣстѣ съ Англіей, стояла во главѣ коалиціи противъ революціонной Франціи 1793-го года.

Поэтому, признавая идеаломъ будущаго безгосударственный строй, мы, тѣмъ не менѣе не можемъ оставаться внѣ реальной жизни, въ ожиданіи пришествія новаго строя.

людей), — несмотря на отчаянную реакцію, ставшую возможной въ силу такого истощенія, — феодально-буржуазныя правительства Бурбоновъ и Орлеановъ не могли продержаться болѣе 15 — 18 лѣтъ. Революціи повторялись каждые 15 — 18 лѣтъ. Франція пережила уже одну соціалистическую революцію (1848) и одну коммуналистическую (1871).

Мы боремся не съ отвлеченнымъ понятіемъ о государствѣ, а съ государствами живыми и угнетающими народы. Оттого наши товарищи въ западной Европѣ и Америкѣ, — зная, что какую бы личину ли принимала государственная власть, она всегда является защитникомъ интересовъ земельныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и биржевыхъ эксплуататоровъ, — находятся съ нею въ постоянной борьбѣ, какую бы форму она ни принимала.

Тѣмъ больше обязательно намъ бороться противъ государственной власти въ Россіи, гдѣ, благодаря цѣлому ряду историческихъ условій, самодержавіе является не только врагомъ всякой личной свободы человѣка, но и созидателемъ и охранителемъ самыхъ ужасныхъ формъ эксплуатаціи народнаго труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ формою, навязанною русскому народу извнѣ.

Вообще, историческая жизнь идетъ не по клѣточкамъ, на которыя разграфили ее всякіе теоретики. И если политическая форма, которая заступитъ въ Россіи мѣсто самодержавія, будетъ та или другая форма представительнаго правленія, — изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы русскія представительныя учрежденія непремѣнно должны были быть сколкомъ съ прусскаго или нѣмецкаго имперскаго парламента. Если русскому народу удастся теперь же подрѣзать крылья капитализму и земельной аристократіи, то онъ этимъ самымъ уже подрѣжетъ крылья и государственной власти. Онъ сдѣлаетъ феодально-буржуазный парламентъ, на нѣмецкій манеръ, невозможнымъ; но онъ сдѣлаетъ невозможной и централизованную республику, на манеръ французской. А если народному возстанію въ Россіи удастся подрѣзать власть центральнаго правительства, и отвоевать у него многое изъ того, что въ западной Европѣ считается достояніемъ министерскихъ чиновниковъ; если русскій народъ отвоюетъ себѣ широкія права экомомическія и политическія въ общинѣ, въ сельскомъ обществѣ, въ волости и въ области; если народъ возьметъ самъ въ свои руки завѣдываніе хозяйствомъ, продовольствіемъ, обра-

зованіемъ, путями сообщенія, рудниками и т. д. — отнявши всѣ эти области у петербургскихъ чиновниковъ, — то и русское государство, какимъ оно сложится послѣ революціи, получитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ оно получило послѣ революціи въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ. И, въ силу этого, русскому народу будетъ облегчена дальнѣйшая борьба съ капитализмомъ.

Вообще, наши теоретики соціалисты слишкомъ поторопились рѣшить, что Россія непремѣнно должна пройти черезъ періодъ точь въ точь такого же парламента, какой получили нѣмцы. Германія еще не переживала революціи. Ея конституціи — октроированныя, т. е. дарованныя королями, напуганными французской революціей 1848 года; онѣ — не плодъ революціи.

Мы можемъ, поэтому, смѣло утверждать, что отъ степени энергіи, которую проявятъ въ теперешней революціи крайнія противу-государственныя партіи, — будетъ зависѣть большая или меньшая сила государственной власти, т. е. чиновничества, въ Россіи, а также большая или меньшая подчиненность личности и большая или меньшая политическая свобода, которую завоюетъ Россія. А вмѣстѣ съ тѣмъ и прочность владычества буржуазіи.

Если анархисты и сродные имъ элементы предоставятъ все дѣло политическаго переворота въ руки буржуазныхъ якобинцевъ и ихъ естественныхъ союзниковъ — соціаль-демократовъ, мечтающихъ о диктатурѣ своей партіи, — то они измѣнятъ народному дѣлу, и ихъ бездѣйствіе отзовется на весь дальнѣйшій ходъ исторіи. Анархическое пониманіе политическихъ отношеній настолько сродно русской жизни, а государственная, т. е. чиновничья централизація настолько чужда и противна русской жизни и русскому складу ума, что въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ громадная работа, лишь бы среди анархистовъ нашлись и около нихъ сгруппировались люди, понимающіе всю важность этой работы — именно въ настоящую минуту, когда централизаторы и чиновники

всѣхъ лагерей хотятъ утвердить свою власть на развалинахъ власти, теряемой гнилымъ самодержавнымъ строемъ.

Въ Думѣ намъ дѣлать нечего. Въ лагерь правящихъ мы не пойдемъ. Давать наши силы на дѣло созиданія государственной силы мы не станемъ. У насъ есть своя работа. Но мы измѣнили бы своей программѣ, если бы, на томъ основаніи, что Дума не есть анархическая форма политическихъ отношеній, мы отошли въ сторону и перестали интересоваться ея дѣйствіями. Напротивъ того, и до созыва Думы и послѣ, мы обязаны разъяснять еще неясныя можетъ-быть требованія и желанія самостоятельности среди народа, упорно отстаивать ихъ, проводить ихъ въ жизнь, требовать ихъ признанія отъ желающихъ идти въ Думу и, какъ бы думцы ни вздумали рѣшать вопросы народной жизни, мы должны настаивать на слѣдующемъ:

Земля — вся земля — народу, тѣмъ кто самъ обрабатываетъ ее. Не въ личное владѣніе, какъ это сдѣлали буржуазные парламенты французской революціи — а въ общинное. И передача дѣла распредѣленія земли не въ руки Министерства Государственныхъ Имуществъ, хотя бы и соціальдемократическаго, а самихъ общинъ и союзовъ общинъ.

Фабрики, заводы, угольныя копи, желѣзныя дороги — не Министерству Труда, а самимъ рабочимъ, которые на нихъ работаютъ, съорганизованнымъ въ вольные союзы.

Почту и почтовыя сообщенія — не Почтовому Директору, а тѣмъ, которые въ данное время совершаютъ реально, на дѣлѣ, всю почтовую работу на мѣстахъ.

Образованіе народа — не Боголѣповымъ, одѣтымъ въ новые мундиры — а самому народу, самимъ крестьянамъ и рабочимъ, самимъ жителямъ, организующимся для этого въ Образовательные союзы.

И такъ — во всѣхъ вопросахъ. По каждому изъ нихъ мы должны стоять съ народомъ, и объ руку съ нимъ

бороться противъ централизаторскихъ якобинскихъ стремленій буржуазіи и социаль-теоретиковъ.

И чѣмъ сильнѣе выступимъ мы на защиту нашихъ началъ въ каждомъ практическомъ вопросѣ, — именно теперь, въ эту пору всеобщей ломки, — тѣмъ больше сдѣлаемъ мы для дальнѣйшаго развитія Анархизма. Революція открываетъ намъ возможность выступить изъ области теоріи въ практическую агитацію. Постыдно было бы уклониться отъ этой обязанности.

Еще нѣсколько словъ.

Присматриваясь къ тому, что до сихъ поръ дѣлали въ Россіи анархисты, мы должны признать, что нашими товарищами едва ли была понята вся важность предстоящей намъ задачи.

Много личнаго геройства было проявлено за эти два года. Но все оно проявлялось такъ, какъ будто мы думали, что стоитъ только отдѣльнымъ лицамъ смѣло объявить войну старому порядку, совершить нѣсколько актовъ террора и отнятія денегъ у богатыхъ, чтобы народъ возсталъ, свергнулъ немедленно старый строй и приступилъ къ коммунистической экспропріаціи богатствъ. Дѣло революціи, однако, не такъ просто. Безъ народа, безъ массы не можетъ быть революціи. Но массы, — если геройскіе акты и заставляютъ ихъ задумываться — все-таки не поднимаются, если внутри ихъ не сдѣлано серьезной, предварительной агитаціонной работы.

Вообще, анархистамъ, въ русской революціи предстоитъ работа, гораздо болѣе серьезная, — смѣло скажемъ болѣе великая, чѣмъ работа одинокихъ аванпостовъ, завязывающихъ перестрѣлку. Мы должны стать революціонной силой, народной силой, которая была бы способна помочь народу, чтобы проложить новые пути въ революціонной перестройкѣ всей русской жизни.

Намъ предстоитъ, не только совершить нѣсколько подвиговъ личнаго геройства. Намъ предстоитъ, вмѣстѣ съ массою русскаго народа найти то, чего не нашли еще

анархисты 1793-го года*) — а именно, найти новые пути, создать новыя формы народнаго политическаго союза, которыя положили бы начала вольной, безгосударственной, федеративной жизни.

Францiя, въ своей революцiи, выступила на путь экономическаго уравненiя. Соединенные Штаты, въ революцiи 1773 года, указали путь федерализма. Россiи предстоитъ теперь совершить туже революцiю и проложить при этомъ новые пути, — экономическаго федерализма, соединеннаго съ обезпеченiемъ свободы личности.

И что бы ни вышло изъ Русской Революцiи, зачатки такого новаго развитiя должны быть положены въ ней. Но положить ихъ, лежитъ на насъ, анархистахъ. Иначе мы окажемся ниже требованiй, поставленныхъ намъ исторiею, ниже задачъ, поставленныхъ самою нашею партiею. А чтобы выполнить эту задачу, мы должны выйти изъ нашей изолированности, понять нашу великую историческую миссiю, и всегда, вездѣ, мы должны быть съ народомъ, среди народа.

---

*) „Анархисты" было ходячее слово въ 1793 году. Такъ называли крайнiя партiи, которыя на дѣлѣ совершали революцiю въ пользу бѣдныхъ, на мѣстахъ, преимущественно черезъ посредство мѣстныхъ Народныхъ Обществъ.

II.

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ О ПОЛИТИКѢ И ЭКОНОМИКѢ.

М. Корнъ

Въ виду того, что на съѣздѣ по этому вопросу было прочитано два доклада, то мы печатаемъ также и докладъ тов. Корнъ. Ред.

Кому изъ насъ не приходилось задумываться надъ „роковой задачей“ отношенія теперешняго русскаго революціоннаго движенія къ нашему экономическому и политическому идеалу? Кто не мучился надъ вопросомъ о томъ, каково въ происходящей борьбѣ положеніе соціалиста; каково, въ особенности, положеніе анархиста? Трудный и сложный вопросъ „политики“ и „экономики“ сталъ передъ нами съ самаго начала нашей дѣятельности въ Россіи. Борьба, идущая у насъ, — и экономическая, и политическая; но, если оставить въ сторонѣ крестьянство, среди котораго нашимъ товарищамъ до сихъ поръ работать почти не приходилось, то во всѣхъ остальныхъ классахъ общества экономическая борьба отступаетъ на задній планъ передъ политической задачей сверженія самодержавія.

Этой политической задачѣ служатъ даже такія по существу экономическія движенія, какъ рабочія стачки. На знамени же политическаго движенія написаны конституція, учредительное собраніе, республика и прочіе лозунги, для анархиста положительной цѣны не имѣющіе. Бороться съ самодержавіемъ — прекрасно; но не значитъ ли это бороться вмѣстѣ съ тѣмъ за идеалъ „правового государства", идеалъ лишенный для насъ всякаго обаянія? Какъ выйти изъ этого противорѣчиваго положенія?

Вотъ вопросъ, который всегда ставили себѣ наши товарищи, и не находили на него такого отвѣта, который удовлетворилъ бы ихъ потребность послѣдовательной мысли и ихъ потребность въ активной борьбѣ.

Видя, какъ всѣ силы массового рабочаго движенія уходятъ на чисто-политическія манифестаціи, какъ, въ области экономической, самыя крупныя рабочія стачки не идутъ дальше требованія ничтожныхъ улучшеній, какъ отодвигается на задній планъ соціалистическая идея въ дѣятельности крайнихъ партій, наши товарищи прежде всего стали пытаться противодѣйствовать такому понижению роли и размаха совершающейся революціи. Но не впали ли они, по крайней мѣрѣ въ теоріи, въ нѣкоторую, противоположную, крайность, ставя всякое экономическое движеніе выше всякаго политическаго? Если мы оглянемся на содержаніе нашей пропаганды въ Россіи, то не окажется ли, что мы, подчеркивая наше оппозиціонное отношеніе къ другимъ партіямъ, упустили изъ виду ту безспорную, хотя, можетъ быть, для нѣкоторыхъ и кажущуюся парадоксомъ истину, что анархисты, въ сущности, — наиболѣе „политики" изъ всѣхъ соціалистовъ, такъ какъ для нихъ освобожденіе личности отъ государственнаго ига играетъ не меньшую роль, чѣмъ ея освобожденіе отъ гнета экономическаго. Почему мы не миримся съ идеаломъ соціальдемократическаго государства, которое, во всякомъ случаѣ, поднять уровень экономическаго благосостоянія можетъ? Именно потому,

что мы — не чистые экономисты. Повсюду въ западной Европѣ и Америкѣ анархисты боролись съ обѣими формами угнетенія: съ капитализмомъ и государствомъ. Рядомъ съ революціонными стачками и актами „экономическаго“ террора, мы находимъ въ ихъ дѣятельности такіе яркіе акты политическаго протеста, какъ убійство итальянскаго короля или испанскаго министра Кановаса. И никто, конечно, не скажетъ, что Анжіолилло или Бреши были либералами и отдали свою жизнь ради достиженія испанской или итальянской республики. Грядущая соціальная революція — въ представленіи именно анархистовъ — не будетъ революціей чисто экономической: она начнетъ съ экономическаго акта, съ экспропріаціи, но, вмѣстѣ съ частною собственностью, уничтожитъ и государство. Вотъ почему не нужно впадать въ односторонность по отношенію къ происходящей политической революціонной борьбѣ: эта борьба необходима не для того, чтобы современный строй замѣнился строемъ конституціоннымъ, а для того, чтобы рядомъ протестовъ противъ наличной государственной формы, противъ наличнаго гнета сдѣлать возможнымъ возстаніе противъ всякаго гнета. Расширять эту борьбу до такихъ предѣловъ, не давать ей успокоиться, не давать установиться не существующему еще пока въ Россіи культу закона и легальности — дѣло анархистовъ. Ту часть этой работы, которая касалась критики грядущаго парламентаризма, наши товарищи все время вели и ведутъ въ Россіи; но это — не самая трудная часть. Это — начало, а затѣмъ вѣдь нужно показать, къ какой освободительной борьбѣ *мы* призываемъ, и притомъ призываемъ сейчасъ; какова намѣченная *нами* цѣль и каковъ нашъ планъ дѣйствій по пути къ ней.

Упустить это изъ виду, сосредоточиться только на критической сторонѣ задачи — въ высшей степени опасно: можно вызвать разочарованіе въ поставленныхъ цѣляхъ и принятыхъ способахъ борьбы, не давъ взамѣнъ ихъ

новыхъ, и вмѣсто того чтобы поднять революціонный духъ, вызвать, наоборотъ, упадокъ его.

Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи работа нашихъ товарищей въ Россіи страшно трудна, хотя бы уже потому, что каждому приходится цѣликомъ продумать все самому, и не только продумать, но и найти средства пропаганды. Положительная часть нашей программы для Россіи до сихъ поръ была разработана мало. Имѣющаяся у насъ литература носитъ почти исключительно теоретическій характеръ и имѣетъ цѣлью ознакомленіе съ основными идеями и цѣлями анархизма. О практическихъ путяхъ и средствахъ борьбы въ ней говорится, въ виду этого, лишь въ очень общей формѣ: постольку, поскольку это нужно для обрисовки практическихъ выводовъ изъ извѣстной принципіальной точки зрѣнія. Наши западно-европейскіе товарищи въ этомъ отношеніи находятся въ лучшихъ условіяхъ: современное рабочее движеніе вызвало (особенно во Франціи и въ Испаніи) цѣлую литературу о всеобщей стачкѣ, разсматриваемой какъ начало соціальной революціи, и анархисты располагаютъ для своей пропаганды цѣлымъ рядомъ данныхъ — брошюръ, газетныхъ статей, докладовъ на съѣздахъ — въ которыхъ разбираются тѣ мѣры, которыя предстоитъ принять рабочимъ въ моментъ когда удачное революціонное движеніе сдѣлаетъ ихъ господами положенія.

Было бы въ высшей степени важно, если бы наши товарищи въ Россіи подумали о выработкѣ такого рода практическихъ программъ, въ соотвѣтствіи съ особенностями положенія и момента, и чтобы при новомъ взрывѣ массового движенія они не оказались лишь участниками — можетъ быть, болѣе рѣшительными, болѣе непримиримыми — борьбы вдохновляемой не ихъ лозунгами, а могли бы внести въ это движеніе и свою собственную мысль.

Мысль, что анархисты — лишь провозвѣстники будущаго, время котораго еще не пришло, апостолы далекаго отъ осуществленія идеала — мысль очень распространенная среди людей „сочувствующихъ“ анархизму. Съ кличкой мечтателей и утопистовъ мы всегда легко мирились и она насъ нисколько не задѣваетъ. Но что серьезно глубоко-трагично по существу, это — слѣды той же мысли у самихъ нашихъ борцовъ.

Кому изъ насъ не случалось слышать, какъ съ болью, чуть не со слезами на глазахъ, говорится при вѣсти о новыхъ потеряхъ, о новыхъ казняхъ: „Еще и еще разъ погибли лучшіе товарищи, и все какія цѣнныя молодыя жизни, какіе чистые типы нравственной красоты! И подумать только, что все это — пушечное мясо, что этими самоотверженными руками загребаетъ жаръ одна только либеральная буржуазія! Если бы они погибали хоть для нашего идеала, если бы они хоть могли видѣть, за что отдаютъ свою жизнь!“ И нужно замѣтить, что ни одного не остановило это, ни одинъ не пожалѣлъ себя; вездѣ и всегда анархисты оказывались тамъ, гдѣ всего сильнѣе кипитъ борьба.

Остановимся однако на минуту, отвлечемся отъ привычныхъ, шаблонныхъ, принятыхъ мнѣній и спросимъ себя: дѣйствительно ли русская революція должна привести всего на всего къ господству либеральной буржуазіи? Дѣйствительно ли мы переходимъ, согласно извѣстной исторической теоріи, въ ту самую стадію общественнаго развитія, въ которую сто лѣтъ тому назадъ перешла Франція?

Если стоять на фаталистической точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго марксизма, то, конечно, надо отвѣтить утвердительно; но если мы отъ этой точки зрѣнія отрѣшимся и постараемся разсуждать внѣ ея, то что мы увидимъ? Русская революція совершается въ моментъ, когда во всемъ человѣчествѣ идетъ движеніе подъ знаменемъ соціализма.

Впродолжени всего XIX вѣка вырабатывалась, на почвѣ разочарованія въ экономическихъ результатахъ французской революціи, соціалистическая идея. Она родилась въ рабочихъ массахъ западной Европы, а оттуда перешла въ Россію, сначала въ передовую интеллигенцію, затѣмъ, по мѣрѣ измѣненія общихъ экономическихъ и культурныхъ условій, и въ рабочія массы.

Въ настоящее время русскій рабочій стоитъ на уровнѣ западно-европейскаго, и ни въ своей жизни, ни въ своихъ идеалахъ не воспроизводитъ того, чѣмъ былъ французъ XVIII вѣка, какъ и соціализмъ русскихъ соціалистовъ не имѣетъ ничего общаго съ идейными вѣяніями современниковъ Великой Революціи. Россія не была отдѣлена китайской стѣной отъ остальнаго міра; она развивалась съ нимъ вмѣстѣ и не можетъ, поэтому, повторять, повинуясь исторической схемѣ то, что происходило въ другихъ странахъ 100 или даже 50 лѣтъ тому назадъ. Разъ соціализмъ всталъ, какъ цѣль, передъ всѣмъ человѣчествомъ, Россія, какъ участница общаго движенія, не можетъ сознательно отвернуться отъ него, не можетъ остаться внѣ хода современной исторіи.

Въ Россіи ставятся тѣ же вопросы; тѣ же, какъ и повсюду, задачи ея движенія. А разъ задача поставлена — значитъ она осуществима; разъ была возможность, была почва для ея постановки, то, значитъ, есть возможность и для ея проведенія въ жизнь.

Но это проведеніе въ жизнь требуетъ усилій людей; оно возможно, осуществимо въ той мѣрѣ, въ какой эти усилія приложены; оно — не мечта, въ той мѣрѣ въ какой сами дѣятели не считаютъ его мечтою. Учесть шансы того или другого теченія въ революціонное время ускореннаго темпа жизни — болѣе чѣмъ трудно, и лучше ошибиться въ сторону переоцѣнки своихъ силъ, чѣмъ наоборотъ.

Излишней смѣлости мысли и дѣла быть не можетъ, а недостатокъ ихъ можетъ быть очень вреденъ. Предоста-

вимъ самой жизни урѣзать то, что окажется прежцевременнымъ или неприложимымъ; она всегда сдѣлаетъ это, болѣе чѣмъ въ достаточной мѣрѣ. Наше дѣло — стремиться къ достиженію какъ можно болѣе широко-поставленныхъ цѣлей, къ достиженію нашего идеала во всей его полнотѣ, а степень проведеннаго въ жизнь будетъ соотвѣтствовать степени энергіи нашей работы и нашей вѣры въ побѣду. И какъ бы много разочарованій ни встрѣчало насъ на пути, будемъ помнить великія слова Лаврова: „Побѣжденъ лишь тотъ, кто признаетъ себя побѣжденнымъ!“

III.

НАШЕ ОТНОШЕНІЕ КЪ КРЕСТЬЯНСКИМЪ И РАБОЧИМЪ СОЮЗАМЪ.

П. Кропоткина.

Среди рабочихъ всего міра происходитъ въ настоящее время глубокое движеніе, съ цѣлью объединить рабочихъ различныхъ ремеслъ въ обширные профессіональные союзы, и положить основы обширныхъ международныхъ организацій, охватывающихъ, какъ отдѣльныя отрасли труда (углекоповъ, ткачей, нагрузчиковъ въ докахъ и т. д.), такъ и національныя федераціи рабочихъ — *внѣ существующихъ политическихъ партій, въ томъ числѣ и соціальдемократической.*

Стремленіе возстановить Международный Союзъ Рабочихъ, ведущій *прямую*, непосредственную борьбу труда противъ капитала — не черезъ Парламентъ, а непосредственно, всѣми доступными рабочимъ, и однимъ рабочимъ, средствами, проявляется въ настоящую минуту съ новою, поразительною силою.

Рабочіе Западной Европы и Америки начинаютъ замѣчать, что соціальная революція, которой они ждали въ концѣ 60-хъ годовъ и ради которой они основали Интернаціоналъ, отдаляется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того,

какъ дѣло борьбы Труда съ Капиталомъ переходитъ въ руки политическихъ партій, которыхъ и теорія, и практика ведутъ только къ уничтоженію революціонной энергіи пролетаріевъ и, сохраняя имя „классовой борьбы", только пріучаютъ рабочихъ мириться съ эксплуатаціей капиталистами.

Рабочіе Западной Европы понимаютъ, кромѣ того, что при первой попыткѣ установленія будущаго строя, — будь то въ деревняхъ, среди крестьянъ, или въ отдѣльномъ городѣ, или въ области, объявившихъ коммуну, — дѣло организаціи коммунистической жизни и производства на общихъ началахъ непремѣнно выпадетъ на долю рабочихъ союзовъ, которые одни могутъ взять на себя громадное дѣло перестройки промышленности въ интересахъ всего общества.

Вслѣдствіе этого, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки усиливается съ каждымъ годомъ движеніе, такъ называемое синдикальное, которое состоитъ въ томъ, что рабочіе сплачиваются между собою въ профессіональные союзы, съ цѣлью прямой *борьбы*, *прямого воздѣйствія* (*action directe*) противъ капитализма и капиталистовъ.

Понимая всю важность такого движенія, часть нашихъ западно-европейскихъ товарищей анархистовъ посвятили себя вполнѣ, за послѣдніе 10-15 лѣтъ этой организаціонной работѣ, и въ настоящее время анархисты настолько заслужили довѣріе объединенныхъ въ синдикаты товарищей рабочихъ, что въ латинскихъ странахъ — Франціи, Испаніи, Французской Швейцаріи и отчасти въ Италіи — они являются уже серьезной революціонной силой среди рабочихъ союзовъ.*)

*) Что предыдущія слова были вѣрны — доказалъ французскій конгрессъ рабочихъ въ Аміенѣ, на которомъ рѣшенія предложенныя соціальдемократами были забалотированы невѣроятнымъ большинствомъ, а рѣшенія предложенныя анархистами были приняты почти единогласно. Ред.

Въ то время, какъ соціальдемократы смотрятъ на рабочія профессіональныя организаціи какъ на подспорье для политической борьбы, которую они ведутъ въ парламентахъ за власть, анархисты смотрятъ на рабочіе союзы, какъ на ячейки будущаго соціальнаго строя и какъ на могучее средство для подготовленія такого общественнаго переворота, который не ограничивался бы одною перемѣною правленія, а также перевернулъ бы современныя формы хозяйственной жизни, т. е. распредѣленіе производимыхъ богатствъ и способовъ ихъ производства.

Организація рабочихъ въ профессіональные союзы еще молода въ Россіи, но уже начинается серьезное движеніе для образованія обширныхъ рабочихъ организацій и рабочіе уже успѣли доказать свою силу.

Что такое пониманіе силъ рабочихъ союзовъ — вѣрно, уже доказываетъ опытъ Русской революціи. Рабочее движеніе въ январѣ 905 года въ Петербургѣ, всеобщія стачки въ Польшѣ въ маѣ и всеобщая стачка въ октябрѣ того же года, и крестьянскія возстанія, начавшіяся съ 1904 года, уже оказались болѣе могучими силами въ русской революціи, онѣ больше подвинули дѣло русской революціи, чѣмъ всѣ остальныя силы вмѣстѣ взятыя.

При этомъ онѣ поставили русское революціонное дѣло на новое основаніе.

То, что уже достигнуто русской революціей, есть дѣло не той или другой политической партіи. Оно — плодъ самопожертвованія, прежде всего рабочихъ массъ. И уже вслѣдствіе этого есть полное основаніе надѣяться, что русская революція не ограничится простою перемѣною формы правленія, а сдѣлаетъ хотя первые шаги по пути экспропріаціи земли и обобществленія промышленнаго капитала.

Для пробужденія среди рабочихъ и крестьянъ пониманія ихъ собственной силы, ихъ рѣшающаго голоса въ революціи, и того, чего они могутъ достигнуть въ своихъ интересахъ, — русскіе анархисты, если они поймутъ эту свою задачу, могутъ оказать громадную пользу.

Съ созывомъ Думы, въ которой собираются принять дѣятельное участіе державшіеся до сихъ поръ революціонной тактики русскіе соціальдемократы и соціалисты-революціонеры, революціонныя силы начнутъ все болѣе и болѣе отвлекаться на созиданіе буржуазно-конституціоннаго строя. И тутъ рабочимъ и крестьянскимъ организаціямъ предстоитъ выступить, какъ сила, борющаяся за свои рабочія права и въ виду достиженія какихъ нибудь дѣйствительныхъ экономическихъ результатовъ отъ теперешней революціи.

Только то, что крестьянамъ и рабочимъ удастся осуществить теперь, во время революціи — прямымъ дѣйствіемъ, а не черезъ парламентъ, — только то и будетъ достигнуто русскою революціею.

Въ виду этого на русскихъ анархистахъ лежитъ великая обязанность. Пора теоретическихъ разсужденій въ отдѣльныхъ маленькихъ группахъ прошла. Мы выработали свои идеалы и цѣли, мы сложились, какъ люди, воодушевленные общею цѣлью и согласившіеся въ общихъ чертахъ относительно способовъ дѣйствія. Но жизнь быстро идетъ впередъ и требуетъ отъ насъ большаго: гораздо большаго даже, чѣмъ отдѣльные акты героизма въ борьбѣ съ капитализмомъ и его защитниками въ правительствѣ. Она требуетъ отъ насъ дѣятельнаго вмѣшательства въ жизнь крестьянскихъ и рабочихъ массъ.

Намъ говорятъ иногда, что городскихъ рабочихъ организуютъ соціальдемократы, а крестьянъ организуютъ соціалисты революціонеры. Но помимо того, что и та и другая партія захватили лишь незначительную часть рабочихъ и крестьянскихъ массъ — первые по преимуществу среди рабочихъ въ западной полосѣ Россіи, а вторые среди крестьянъ въ нѣкоторыхъ лишь губерніяхъ Россіи, — и что громаднѣйшія массы рабочихъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, сорганизовлись независимо отъ той или другой партіи, — нужно помнить, что и тѣ и другія организаціи имѣютъ въ виду особыя цѣли. Какъ только въ Россіи утвердится народное представительство

на болѣе широкихъ началахъ, они намѣрены окунуться въ парламентскую дѣятельность. А это будетъ смертью революціи, если крестьяне и рабочіе дадутъ себя уговорить въ томъ, чтобы ожидать измѣненія общихъ экономическихъ условій отъ Парламента, а не отъ своихъ собственныхъ дѣйствій.

Обязанность анархистовъ — быть среди рабочихъ и не давать политическимъ партіямъ эксплуатировать рабочее движеніе въ пользу парламентскаго постепеновства. Имъ предстоитъ — проводить въ рабочую среду революціонную мысль, съ тѣмъ, чтобы изъ крестьянскихъ и рабочихъ союзовъ создать силу, которая могла бы сама приступить, на дѣлѣ и на мѣстѣ, къ планомѣрной массовой экспропріаціи.

На практикѣ, передъ анархистами выступаетъ всегда вопросъ: вступать ли въ рабочіе союзы, уже существующіе, или же стремиться создавать новые синдикаты, анархическаго характера?

Наши западно-европейскіе товарищи не проводятъ никакой опредѣленной программы въ этомъ отношеніи, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ руководятся данными мѣста и времени, а также личными склонностями каждаго изъ нихъ. Нѣкоторымъ товарищамъ удавалось создавать въ Испаніи и во Франціи, и даже въ Лондонѣ, синдикаты, которые хотя и не включали значительныхъ массъ рабочихъ даннаго ремесла, а ограничивались лишь небольшимъ числомъ ихъ, — оказывали, однако, своимъ почином и активной дѣятельностью глубокое вліяніе на всѣхъ рабочихъ своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачкѣ, и выказывая организаторскія способности, имъ удавалось пріобрѣтать серьезное вліяніе въ своей средѣ и даже въ федераціяхъ синдикатовъ.

Другіе вступали въ существующіе рабочіе союзы и вскорѣ пріобрѣтали въ нихъ такое вліяніе, что становились вдохновителями своихъ товарищей по ремеслу, отвлекая ихъ отъ политикановъ, постоянно стремящихся

наложить руку на ремесла, и вносили въ рабочую среду революціонную мысль.

Третьи, наконецъ, и это было большинство, въ особенности въ Испаніи, оставаясь членами анархическихъ группъ, работали надъ основаніемъ безпартійныхъ рабочихъ союзовъ и, заслуживъ довѣріе товарищей по ремеслу достигали того, что эти рабочіе союзы шли рука объ руку съ анархистами, поручали веденіе своихъ профессіональныхъ газетъ анархистамъ и, какъ показалъ опытъ, оставались заодно съ анархистами, даже въ такія минуты, когда преслѣдованія правительства доходили до крайнихъ предѣловъ.

Мы думаемъ, что не слѣдуетъ примѣнять по этому вопросу рѣзко опредѣленнаго рѣшенія разъ навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочій союзъ требуетъ отъ своихъ членовъ признанія соціальдемократической программы, то тутъ анархисту, конечно, дѣлать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшіе, свободные рабочіе союзы того же ремесла.

Анархистъ, проникнутый сознаніемъ, что рабочіе союзы представляютъ собою силу будущей организаціи, а въ настоящее революціонное время уже заявили себя силою революціонной, обыкновенно самъ найдетъ, въ связи съ товарищами, ту форму дѣятельности среди рабочихъ союзовъ, которая наиболѣе согласна съ его складомъ ума и темпераментомъ. Ему слѣдуетъ только никогда не терять изъ вида, что рабочіе союзы не должны никогда быть орудіемъ политическихъ парламентскихъ партій; что ихъ назначеніе — прямая борьба съ капиталомъ и его охранителями въ государствѣ, а не компромиссъ съ ними въ Парламентѣ. Ихъ цѣль не замазывать отношеній между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путемъ фиктивныхъ уступокъ, а стремиться къ уничтоженію капитализма и къ реорганизаціи политической жизни на основахъ соглашенія между вольными рабочими союзами.

Имѣя эти цѣли всегда въ виду — не для введенія *только въ первые теоретическіе пункты программы*, а для проведенія въ самой жизни, — анархисты, работающіе въ синдикатахъ никогда не рискуютъ затеряться въ нихъ и обратиться въ орудіе политическихъ буржуазныхъ партій.

IV.

О ТЕРРОРѢ.

Вл. Забрежнева.

Вотъ уже второй годъ кровь широкимъ потокомъ усиленно льется по всему необъятному пространству многострадальной Россіи. Разстрѣлы по суду и безъ суда, погромы, карательныя экспедиціи, наглое, открытое поощреніе черносотеннаго слова и дѣла — съ одной стороны; смѣлыя нападенія, вооруженныя возстанія, акты мести и самозащиты, беззавѣтное самопожертвованіе и героизмъ — съ другой. Въ результатѣ сотни, тысячи жертвъ.

Жизнь человѣческая обезцѣнилась; „терроръ" вышелъ за предѣлы узкаго круга людей, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу освобожденія. Въ эти дни кроваваго ужаса онъ пересталъ быть достояніемъ однихъ активныхъ революціонеровъ, подвергающихся спеціальнымъ преслѣдованіямъ правительства. Жизнь для всѣхъ, кромѣ изувѣровъ существующаго строя, стала невыносимой, и не только тѣ революціонеры, которые еще такъ недавно принципіально отвергали терроръ, сами стали террористами, но даже люди посторонніе революціи и соціализму понимаютъ террористическіе акты и сочувствуютъ имъ.

Но не всегда и не для всѣхъ неизбѣжность и вліяніе актовъ активнаго протеста противъ опоръ существующаго строя бываетъ такъ очевидна, какъ они стали теперь, благодаря слишкомъ ужъ откровенной разнузданности правительственныхъ неистовствъ. Въ такъ-называемое мирное время, когда весь гнетъ государственнаго и капиталистическаго устройства обрушивается всею своею тяжестью исключительно на трудящіяся массы, среди прогрессивно настроенныхъ слоевъ общества нерѣдко встрѣчается, не только отрицательное отношеніе къ активной борьбѣ съ нимъ, но и рѣзкія порицанія ея.

Нужды нѣтъ, что въ это „мирное" время число жертвъ отъ хроническаго недоѣданія, отъ изнурительнаго непосильнаго труда, „несчастныхъ случаевъ" при работѣ и прочихъ ужасовъ капиталистическаго строя превосходитъ во много разъ количество жертвъ отъ самой кровопролитной войны, отъ самой ожесточенной революціонной борьбы. Жертвы эти въ глаза не бросаются, крови ихъ не видно, стоновъ не слышно.

Въ „мирное" время даже нѣкоторыя соціалистическія партіи особенно возстаютъ противъ такихъ бунтовскихъ актовъ, нарушающихъ спокойное теченіе жизни, и усиленно стараются увѣрить трудящіяся массы въ благодѣтельности результатовъ „естественнаго хода событій".

Подъ такой тактикой скрываются тайные помыслы о вступленіи въ законное русло. Буржуазія, бывшая въ свое время партіей „революціонной", успокоилась, достигнувъ власти и силы, — точно также, какъ и соціалисты-государственники „свободныхъ" странъ, вступившіе въ прочный союзъ со своими теоретическими противниками. Тѣ и другіе теперь первые враги террора.

Но всѣ революціонныя партіи, покуда онѣ остаются революціонными, самымъ фактомъ своего нелегальнаго существованія вынуждены бываютъ, какъ показываетъ исторія, прибѣгать къ террору, — по крайней мѣрѣ въ цѣляхъ самозащиты, — хотя бы теоретически онѣ и оспаривали цѣлесообразность его.

Да иначе и быть не могло бы. Революціонеры всегда преслѣдуются представителями господствующей власти, и нерѣдко преслѣдованія эти переходятъ границы терпѣнія самыхъ мирно-настроенныхъ революціонеровъ. Вспомнимъ, какъ Желябовъ объяснялъ на судѣ переходъ къ террору русской соціально-революціонной партіи:

„Если вы, господа судьи — говорилъ онъ взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами; что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною". (Процессъ 1-го марта 1881 года.)

Съ особенной силой необходимость актовъ самозащиты и мести всегда тяготѣла и тяготѣетъ надъ анархистами. Анархическое міровоззрѣніе рѣзко враждебно самымъ основамъ всякаго государства, власти и частной собственности на землю и орудія труда, и всему вытекающему отсюда положенію вещей. Относясь скептически къ реформамъ, отрицая сотрудничество и какіе бы то ни было компромиссы съ правящими классами, анархисты нигдѣ, даже въ самыхъ демократическихъ республикахъ, даже въ гипотетическомъ коллективистскомъ государствѣ соціальдемократовъ, не могутъ перестать быть революціонерами.

И во всѣхъ существующихъ государствахъ простая пропаганда идей анархизма вызываетъ жестокія преслѣдованія.*) У всѣхъ еще на памяти убійства и пытки анархистовъ въ Монтжюихской крѣпости (въ Испаніи), повлекшія за собой убійство министра Кановаса, а также послѣдующія злодѣйства испанскаго правительства, послужившія причиной покушеній на министра Маура и на Альфонса XIII-го.

*) Относительно будущаго, соціальдемократическаго государства, имѣется много угрозъ, вродѣ словъ соц. дем. депутата Шовэна: «Когда мы захватимъ власть, первой нашей задачей будетъ разстрѣлять анархистовъ».

Кромѣ того, наряду съ явными, исключительными законами въ демократическихъ республикахъ — Франціи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ, повсюду существуютъ еще тайные.

Наконецъ, неистовства русскаго правительства по отношенію къ анархистамъ (напр., въ Варшавѣ) выдѣляются даже на фонѣ общаго кошмарнаго ужаса нашихъ дней.

Итакъ, терроръ оборонительный является неизбѣжнымъ спутникомъ всякой революціонной партіи, въ томъ числѣ и анархической.

Но, будучи послѣдовательными, понимая сущность, причины и послѣдствія гнета, лежащаго на плечахъ обездоленныхъ, коммунисты-анархисты не могутъ реагировать только на прямыя враждебныя дѣйствія правительствъ по отношенію къ нимъ. Существующій строй непрерывно давитъ на трудящіяся массы, лишая ихъ возможности человѣческой жизни, неуклонно толкая ихъ въ преждевременную могилу, и его давленіе всегда стремится возростать и усиливаться при отсутствіи отпора. Необходимость этого отпора анархисты сознаютъ, и не упускаютъ по мѣрѣ возможности осуществлять его. Они не смотрятъ на этотъ отпоръ, какъ на средство побѣдить существующій строй. Они знаютъ, что побѣда можетъ быть достигнута лишь дружнымъ, активнымъ выступленіемъ самихъ массъ. Но отдѣльные акты въ интересахъ народа могутъ способствовать пробужденію активности его, подъему духа въ немъ, могутъ приблизить его къ революціи.

Вотъ почему коммунисты-анархисты признаютъ агитаціонное значеніе и пользу для освободительнаго дѣла за такими личными и коллективными актами протеста и высказываютъ это устно и печатно.

Ниже мы разберемъ на отдѣльныхъ примѣрахъ изъ исторіи террористической борьбы, какіе акты, совершенные различными партіями, давали положительные результаты.

Теперь же отмѣтимъ еще, что хотя коммунисты-анархисты и признаютъ террористическую борьбу, но терроръ вовсе не связанъ органически съ сущностью анархическаго міровоззрѣнія и не вытекаетъ изъ него. Напротивъ того, нѣтъ другого міровоззрѣнія, болѣе проникнутаго любовью не къ отвлеченному человѣчеству, а къ живому человѣку, ко всѣмъ людямъ. И только пониманіе сущности современнаго строя, основаннаго на насиліи, самый этотъ строй, его проявленія, сущность государства, этой машины, основанной на насиліи во имя насилія, вынуждаютъ анархистовъ бороться съ нимъ насиліемъ.

Это не мѣшаетъ нашимъ противникамъ почти всегда отождествлять анархизмъ съ терроризмомъ. Они стараются даже подмѣнить все содержаніе анархической пропаганды, представляя ее призывомъ къ безсмысленнымъ жестокостямъ — безграничною и безпричинною жаждою крови. Одни дѣлаютъ это, чтобы оправдать примѣненіе къ анархистамъ, даже и безъ всякаго видимаго повода, за одно то, что они анархисты, самыхъ суровыхъ мѣръ; другіе, чтобы помѣшать распространенію анархизма, чтобы оттолкнуть отъ знакомства съ нимъ.

Эти нелѣпыя измышленія лучше всего, конечно, опровергаются серьезнымъ знакомствомъ съ идеями анархизма и анархическимъ движеніемъ. Но что до всего этого недобросовѣстнымъ врагамъ!

Напрасно анархисты Шписъ, Швабъ и Фишеръ, судившіеся въ Чикаго въ 1887 году, разъясняли на судѣ что „анархизмъ вовсе не означаетъ: кровопролитіе, грабежъ, кинжалы, ядъ и т. п. Все это ужасныя принадлежности и характерные признаки современнаго капиталистическаго строя. Анархизмъ означаетъ: миръ и довольство для всѣхъ. Анархисты съ удовольствіемъ отказались бы отъ всякаго насилія. Въ современномъ строѣ насиліе практикуется всѣми, мы же совѣтуемъ угнетеннымъ употребленіе насилія противъ насилія и только противъ насилія, какъ необходимое средство защиты.“ (См. ихъ процессъ).

Всѣ эти заявленія (какъ и многія другія, печатныя и устныя) не помѣшали однако заинтересованнымъ партіямъ увѣрять, что „анархизмъ — голое насиліе, а буржуазное общество „миръ и порядокъ“, и это даже несмотря на то что американскія буржуазныя газеты того времени писали напримѣръ слѣдующее:

„На этихъ скотовъ (стачечниковъ) — писала Нью-Іоркская *Tribune* — ничѣмъ, кромѣ силы, не подѣйствуешь, а потому имъ надо дать такой урокъ, чтобы они не забыли его впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній.“

„Бомбы надо бросать въ толпу стачечниковъ, стремящихся повысить заработную плату и уменьшить рабочій день; такимъ образомъ и они будутъ проучены, да и на другихъ примѣръ подѣйствуетъ“, — проповѣдывалъ Чикагскій *Times*.

„Лучшее средство противъ голодающихъ безработныхъ, это — класть имъ въ пищу мышьякъ“. Вотъ до чего договорился Чикагскій *Times*.

Предоставимъ же такого сорта „идейныхъ противниковъ“ самимъ себѣ и напомнимъ лишь, что акты даже тѣхъ товарищей, которые переоцѣнивали боевое значеніе террора, всегда въ сущности бывали вызваны реальными поводами со стороны правящихъ и господствующихъ. Эти акты сводились къ мести и самозащитѣ личной или классовой.

Вотъ передъ нами цѣлый рядъ актовъ „эры динамита“ во Франціи, открывшейся выступленіемъ Равашоля.

11 марта 1892 года онъ подложилъ бомбу на лѣстницѣ предсѣдателя Парижскаго суда, Бенуа, а 27 марта того же года онъ сдѣлалъ тоже въ домѣ прокурора Бюло, т. е. въ домахъ тѣхъ самыхъ судейскихъ, благодаря стараніямъ которыхъ былъ вынесенъ очень суровый приговоръ по дѣлу анархистовъ Декампа, Дардара и Левайеля.*)

*) Товарищи эти во время первомайской демонстраціи въ 1901 г. въ мѣстечкѣ Леваллуа-Перре, близь Парижа (въ то самое время, какъ въ другомъ мѣстѣ Франціи, въ Фурми, республиканскимъ правительствомъ впервые были испробова-

Взрывъ казармъ Лобо объясняется негодованіемъ на покорность, съ которою войска шли на усмиреніе рабочихъ. Взрывъ ресторана Вери, наканунѣ суда надъ Равашолемъ, былъ отвѣтомъ на выдачу Равашоля служащимъ этого ресторана.

Бомба Вальяна была брошена въ Палату депутатовъ, только что проявившую свою подкупность въ Панамскихъ мошенничествахъ.

Вотированные этой же Палатой (при участіи „соціалистическихъ" депутатовъ)исключительные законы противъ анархистовъ и свирѣпые преслѣдованія анархистовъ на основаніи ихъ повели къ взрыву 13 февраля 1894 года, (черезъ недѣлю послѣ казни Вальяна) въ богатомъ кафе „Терминусъ". Авторъ взрыва, Эмиль Анри, мотивировалъ свой актъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ желалъ поразить безымянную толпу-стадо, своимъ одобреніемъ поддержавшую подлые законы своихъ выборныхъ.

„Массы лицъ, — говорилъ Анри на судѣ въ свою защиту—массы лицъ взятыхъ наугадъ, были насильно отняты у своихъ семействъ и брошены въ тюрьму. Что дѣлалось съ женами и дѣтьми этихъ товарищей, во время ихъ заключенія? Никто, конечно, этимъ не интересовался. Анархистъ переталъ считаться человѣкомъ, это былъ звѣрь, котораго травили со всѣхъ сторонъ, и буржуазная пресса на всѣ лады требовала его уничтоженія.. .

„Буржуазія не дѣлала различія между анархистами, продолжалъ онъ; одинъ изъ нихъ — Вальянъ —бросилъ бомбу и, хотя девять десятыхъ изъ его товарищей не знали о его планахъ, тѣмъ не менѣе преслѣдованію подвергались всѣ, кто только имѣлъ какое нибудь отношеніе къ анархизму. Что же! если вы дѣлаете цѣлую партію

ны ружья новой системы Лебель, оказавшія, по словамъ оффиціалянаго отчета, «прекрасные результаты», положивъ на мѣстѣ много рабочихъ, женщинъ и дѣтей,) оказали вооруженное сопротивленіе грубо разгонявшимъ толпу полицейскимъ. Ихъ изранили, жестоко избили и втеченіе двухъ сутокъ не давали воды не только для питья, но даже для промывки неперевязанныхъ ранъ.

отвѣтственной за дѣйствія одного изъ ея членовъ, если вы бьете огуломъ всѣхъ — мы будемъ дѣлать то же самое!..“

Наконецъ Казеріо убилъ президента французской республики Карно, отказавшагося замѣнить смертный приговоръ Вальяна каторгой, несмотря на заступничество значительной части прессы, въ виду того, что его бомба никого не убила, и что во Франціи никогда не казнятъ за покушеніе, если не было дѣйствительной жертвы.

Мы упомянули для примѣра лишь о наиболѣе крупныхъ актахъ этой „эры динамита“ для того только чтобы показать, что въ основѣ ихъ лежали реальныя проявленія гнета современнаго строя. Точно также обстояло дѣло и съ другими актами анархистовъ.

Но не всѣ они имѣли положительные результаты. Часть ихъ дала лишь исходъ личному чувству негодованія и возмущенія, которое совершившіе эти акты не въ силахъ были больше сдерживать. Правда, временно они на смерть перепугали буржуазію, но массъ они не увлекли за собой, и даже вызвали отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны рабочихъ, не затронутыхъ пропагандой и не понявшихъ этой борьбы анархистовъ за существованіе.

Прекращеніе „эры динамита“ выясняется, такимъ образомъ, вовсе не репрессіями, которыя никогда не устрашаютъ идейныхъ борцовъ, а тѣмъ, что французскіе товарищи убѣдились въ безплодности тактики систематическаго террора и недостаточности его для пропаганды своихъ идей. *)

Для революціонеровъ, имѣющихъ опредѣленное міровоззрѣніе и борящихся за опредѣленные идеалы, каковы коммунисты-анархисты, это далеко не второстепенный

*) Мужество и идейная преданность дѣятелей этой эпохи доказаны многими изъ нихъ. Даже въ каторгѣ они не переставали протестовать противъ произвола, и многіе изъ нихъ были убиты тамъ солдатами за «бунты» или, какъ 18 лѣтній Симонъ Бисквитъ, за громогласный протестъ противъ смертной казни участниковъ возмущенія въ колоніи.

вопросъ. Далеко не всѣ террористическіе акты для нихъ равнозначущи. Для нихъ имѣютъ значеніе лишь тѣ акты, которые понятны массамъ, заслуживаютъ одобренія массъ, и тѣмъ способствуютъ пробужденію революціоннаго духа распространенію идей. Анархисты вовсе не думаютъ облагодѣтельствовать народъ сверху. Стремясь къ соціальной революціи, они знаютъ, что такая революція возможна лишь при условіи дѣятельнаго участія самихъ массъ и стараются прежде всего пробудить въ нихъ сознаніе важности этой революціи, пониманіе необходимости выступленія самихъ массъ, и подвинуть ихъ къ этому примѣромъ личной самоотверженности и героизма.

Случается, что акты партійной самозащиты или мести, будучи вызваны дѣяніями, возмущающими всѣхъ, знающихъ о нихъ, совпадаютъ съ общимъ настроеніемъ. Тогда они имѣютъ большое агитаціонное значеніе.

Таковы покушенія на испанскаго министра Маура, который, спасшись отъ мстительной руки анархиста, былъ встрѣченъ толпою градомъ камней и свистками.

Таково убійство тамбовскаго губернатора Луженовскаго. Впечатлѣніе произведенное этимъ актомъ на тамбовскихъ крестьянъ прекрасно выражается ихъ молитвами „о здравіи болящей Маріи“. Убійства Абрамова и Жданова, — инквизиторовъ Спиридоновой — равно какъ и Сахарова, саратовскаго сатрапа, отвѣчали затаеннымъ мыслямъ всѣхъ, въ комъ шевелится малѣйшее чувство порядочности.

У всѣхъ еще свѣжо въ памяти убійство Плеве, которому не радоваться не могли себя заставить даже принципіальные противники террора, точно также, какъ и убійство Сергѣя, одного изъ главныхъ виновниковъ январьской бойни.

Убійство Богдановича (Уфимскаго губернатора) считалось неизбѣжнымъ и съ нетерпѣніемъ ожидалось всѣми златоустовскими рабочими, послѣ произведеннаго имъ разстрѣла стачечниковъ, подобно тому, какъ убійство Мина ожидалось во всей Россіи.

Вспомнимъ, наконецъ, покушеніе Гирша Леккерта на Валя, послѣ сѣченія виленскихъ рабочихъ, и экзекуцію

надъ докторомъ Михайловымъ (врачъ присутствовавшій при сѣченіи; нынѣ, по признанію Лопухина въ письмѣ къ Столыпину, состоящій на жалованьи у департамента полиціи) — которыя дали такое же удовлетвореніе всѣмъ знавшимъ объ этомъ, какъ въ свое время выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ Трепова-отца.

Въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей равнозначущими являются устраненія мѣстныхъ угнетателей-полицейскихъ, шпіоновъ, хозяевъ, мастеровъ.

Хроника борьбы русскихъ рабочихъ и крестьянъ со своими эксплуататорами, акты, такъ называемаго „экономическаго" террора у всѣхъ передъ глазами. Но напомнимъ одинъ характерный эпизодъ изъ жизни „свободной" Франціи.

На копяхъ компаніи въ Деказвилѣ, президентомъ которой состоялъ „великій экономистъ" Леонъ Сэй, рабочіе, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями и пониженіемъ платы, объявили стачку 26 янв. 1886). Пониженіе это было вызвано не плохими дѣлами компаніи, а личнымъ усердіемъ пом. директора Ватрэна, давно уже ненавидимаго рабочими, которому компанія обѣщала 5 процентовъ съ достигнутаго имъ сокращенія расходовъ на заработную плату. Въ числѣ требованій, очень умѣренныхъ, была и отставка Ватрэна. Ватрэнъ, разумѣется, отказался принять ихъ и забарикадировался въ конторѣ. Толпа выломала дверь и избивъ его до смерти палками, выбросила трупъ въ окно.

Что представлялъ изъ себя Ватрэнъ, видно изъ того, что даже буржуазія говорила, что не теперь, такъ черезъ нѣсколько лѣтъ, такой конецъ для него былъ бы неизбѣженъ, а газеты напечатали слова бывшаго мѣстнаго префекта, еще за пять лѣтъ до того предсказывавшаго взрывъ ненависти рабочихъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ возмущеніемъ на французскихъ рабочихъ и фабрикантовъ было грандіозное, тѣмъ болѣе, что здѣсь рабочіе сами явились своими мстителями.

Мы могли бы привести много подобныхъ фактовъ изъ хроники борьбы рабочихъ Америки, Англіи, Италіи и другихъ странъ. Но довольно и этого примѣра.

Всѣ приведенные и подобные имъ террористическіе акты, индивидуальные и, особенно, коллективные, имѣли самое положительное значеніе, потому что, отвѣчая затаенному желанію населенія болѣе или менѣе обширнаго пространства, они были понятны ему, выражали это настроеніе. Давая исходъ личному чувству возмущенія, они удовлетворяли и требованія возмущенной совѣсти тѣхъ, у кого она имѣется, и особенно — непосредственно терпѣвшихъ отъ устраненнаго негодяя.

Они поднимали духъ терпѣливыхъ и покорныхъ дотолѣ жертвъ, подрывая въ массахъ вѣру въ могущество политическихъ или экономическихъ эксплуататоровъ.

Какъ, казалось, охраняемъ былъ Плеве или Сергѣй! какъ недостижимъ былъ Сипягинъ, грозившій кровью залить улицы городовъ, гдѣ произойдутъ демонстраціи!... И вотъ, не смотря на всевозмоаныя охраны, пе смотря на всѣ ихъ ухищренія, они поражены рукою революціонера. Здѣсь дѣйствительно есть, о чемъ пораздумать.

Акты такого-рода будятъ большинство; въ предреволюціонное время они могутъ повести къ началу активнаго выступленія массъ.

Но рядомъ съ этимъ, другіе акты, имѣющіе громадное значеніе для непосредственно заинтересованныхъ въ нихъ, или являющіеся продуктомъ исключительно повышеннаго психологическаго настроенія совершающихъ ихъ, проходятъ совершенно безслѣдно для массъ, для революціоннаго дѣла, или приводятъ даже къ результатамъ противуположнымъ тѣмъ, которые ожидались, и ими пользуются противники въ своихъ цѣляхъ. А между тѣмъ за жизнь или даже за простой испугъ какого нибудь негодяя гибнутъ честные самоотверженные люди, гибнутъ силы, которыя, иначе использованныя, могли бы принести громадную пользу дѣлу революціи.

Приведемъ для примѣра хоть рабочаго Лотье, заколовшаго кинжаломъ въ кафе (въ Парижѣ) одного буржуа, съ орденской лентой въ петлицѣ, предполагая въ немъ особенно вреднаго активнаго паразита. Жертва оказалась сербскимъ посланникомъ (Георгіевичъ), не имѣвшимъ за собою другой вины, кромѣ принадлежности къ паразитному слою общества, — слишкомъ обширному, чтобы его можно было уничтожить путемъ убійствъ его отдѣльныхъ представителей.

Лѣтъ десять тому назадъ, потерявшій работу рабочій Андреевъ пырнулъ ножомъ на музыкѣ въ Павловскѣ (аристократическая дачная мѣстность близь Петербурга) одного генерала, — самаго обыкновеннаго генерала, ничѣмъ особенно не замѣчательнаго, какихъ тысячи въ россійской арміи.

Наконецъ убійство Луккени австрійской императрицы Елизаветы произвело на массы самое отрицательное впечатлѣніе. Луккени поразилъ ее, какъ одну изъ представительницъ власть и капиталъ имущихъ. Можно представить себѣ психологію сына парода, всю жизнь видѣвшаго вокругъ себя отчаянную нищету, голодъ, преждевременную безотрадную старость и массовую смерть дѣтей пролетаріевъ; гибель своихъ близкихъ и постыдное униженіе; вынужденную ради куска хлѣба проституцію дочерей и сестеръ тѣхъ самыхъ людей, которые тяжелымъ трудомъ создаютъ богатства подлыхъ паразитовъ, покупающихъ человѣческое тѣло, — можно понять психологію сына народа при видѣ этой коронованной женщины, утопавшей въ роскоши.

Но широкія массы не могли понять его психологіи. Въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ не испытавшихъ на себѣ весь ужасъ безысходнаго положенія обездоленнаго люда, совершенно было убійство беззащитной женщины, не сдѣлавшей сознательно никакого особеннаго зла.

Поэтому такіе акты, непонятные сами по себѣ, требующіе для уясненія цѣли и значенія ихъ массамъ длинныхъ объясненій и сложной мотивировки, являются по нашему

мнѣнію напрасной тратой силъ и безполезной потерей жизней.

Точно также и терроръ, возведенный въ систему, терроръ, въ которомъ видятъ средство для измѣненія существующаго строя, поглощающій лучшія силы партій, практикующихъ его, и быстро ведущій къ разгрому ихъ — по нашему мнѣнію безплоденъ.

Если и можно систематическимъ террором запугать правительство или господствующій классъ и вырвать у нихъ кое какія уступки, то лишь временно, до тѣхъ поръ пока они сами преувеличиваютъ силы противника. Когда же они убѣждаются, что за боевымъ отрядомъ не стоятъ массы, солидарныя съ дѣятельностью его, когда они видятъ, что некому и нечѣмъ отстоять и удержать достигнутое, — реакція не знаетъ удержу.

Героическій поединокъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли съ самодержавіемъ служитъ однимъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ наше мнѣніе.

Къ тому же, дѣйствительно все-устрашающаго характера терроръ революціонеровъ и не можетъ имѣть. Проведеніе террора, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, лишь бы запугать и ослабить врага, террора не разбирающаго ни количества жертвъ, ни правыхъ, ни виновныхъ, не можетъ практиковаться революціонерами, воодушевленными идеями всеобщаго счастья; его могутъ практиковать лишь организованныя банды правительствъ, существующихъ или утверждающихся вновь.

Къ нему способны прибѣгать лишь темныя силы реакціи, какъ это было въ 1805-1820, въ 1852 и 1871 годахъ во Франціи, въ сороковыхъ годахъ въ Австріи, Италіи и т. д.

Всѣ эти массовыя убійства, совершаемыя правительствами, погромы, карательныя экспедиціи, полевые суды и т. п. — не средства борьбы революціонеровъ и народа.

Революціонеры, сторонники освободительнаго движенія, являются всегда носителями принципа справедливости, высшей, чѣмъ та, которую признаетъ какое либо прави-

тельство, защищающее всегда интересы привилегированныхъ.

Правительственные агенты — генералы Меллеры-Закомельскіе, Ренненкампфы, Скалоны, Мины и т. п. подвергаютъ бомбардировкѣ и поджигаютъ цѣлыя селенія, по подозрѣнію въ укрывательствѣ революціонеровъ или оружія, заливаютъ улицы городовъ кровью, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни дѣтей, возятъ съ собой „заложниковъ“, какъ гарантію своей безнаказанности со стороны населенія, и казнятъ ихъ, даже въ поѣздахъ.

А революціонеръ, какъ Каляевъ, рискуя успѣхомъ дѣла и напрасной своею гибелью, удерживается отъ бросанія бомбы, чтобы не пострадала княгиня или княжескія дѣти, или, какъ нашъ товарищъ въ Екатеринославѣ, прекращаетъ стрѣльбу въ ненавистнаго предателя-директора фабрики, Эзау, чтобы не поранить жену его; какъ Карповичъ, наконецъ, упускаетъ самыя удобныя положенія врага, чтобы не попасть въ постороннихъ.

Всегда, если есть хоть какая нибудь возможность, революціонеры избѣгаютъ напрасныхъ жертвъ.

И такое ихъ поведеніе придаетъ гораздо большее значеніе ихъ актамъ, чѣмъ простое устраненіе негодяевъ, которые легко могутъ быть замѣнены другими.

Ихъ самопожертвованіе, ихъ смѣлость и преданность дѣлу производятъ несравненно большее впечатлѣніе на массы, чѣмъ непосредственные результаты ихъ актовъ, и больше способствуютъ идейной пропагандѣ.

Революціонеры не могутъ быть сторонниками массовыхъ избіеній врага — правительственныхъ чиновниковъ, солдатъ и т. п. безъ разбора*).

*) Особенно теперь, когда государства захватили въ свои руки многія области народнаго хозяйства (пути сообщенія, почта, телеграфъ, табачное и водочное, банковое дѣло), и громадное большинство лицъ, занятыхъ въ нихъ и считающихся «правительственными чиновниками», на самомъ дѣлѣ эксплуатируются государствомъ не меньше, чѣмъ частными капиталистами.

И если въ пылу битвы имъ и приходится убивать солдатъ и нижнихъ полицейскихъ, революціонеры всегда имѣютъ въ виду, что лишь немногіе изъ этихъ враговъ заинтересованы въ своемъ ремеслѣ.

Большая же часть ихъ является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ, власть и капиталъ имущихъ. Забираемые силою, или толкаемые нуждою, находящіеся постоянно подъ угрозой особенно суровыхъ каръ, они сохраняютъ интересы, общіе съ народомъ, легко поддаются революціонной пропагандѣ и окажутъ современемъ рѣшающее вліяніе на исходъ революціонной борьбы.

Народъ, взятый въ массѣ, всегда великодушенъ. Даже въ эпохи обостренной, открытой борьбы онъ не бываетъ ни кровожаденъ, ни жестокъ. Чрезмѣрная жестокость, даже по отношенію къ заклятымъ врагамъ, отталкиваетъ его. И если взрывы его святой мести бываютъ порою ужасны — за то исторія показываетъ, какъ безконечно ничтожно число жертвъ со стороны врага при народныхъ возстаніяхъ въ сравненіи съ числомъ жертвъ изъ среды самого народа. Правительства же жестоки не только при борьбѣ, но и при побѣдѣ, и даже при побѣдѣ особенно. Версальцы, напримѣръ, втеченіе одной недѣли уничтожили 30,000 человѣкъ, многихъ — уже послѣ подавленія возстанія. Для народа, побѣда его—это великое всеобщее отпущеніе грѣховъ, освобожденіе и братское объединеніе всѣхъ людей.

Изъ всего сказаннаго ясно наше отношеніе къ различнымъ видамъ террора. Главнымъ критеріемъ полезности или ненужности акта является, по нашему мнѣнію, впечатлѣніе, которое онъ производитъ на массы, его значеніе для приближенія революціи.

Само собою разумѣется, что такого рода акты, какъ нападенія на перваго встрѣчнаго буржуа или агента правительства, поджоги или взрывы кафе, театровъ и т. п. совершенно не являются логическимъ выводомъ изъ анархическаго міровоззрѣнія, и объясненія ихъ надо искать въ психологіи совершающихъ ихъ.

Свидѣтельствуя о безысходномъ отчаяніи ни одной безнадежности, они вызываются всею совокупностью ненормальныхъ общественныхъ условій.

Тѣ самыя причины, которыя пассивную натуру приводятъ къ самоубійству, натуру активную заставляютъ мстить первому попавшемуся „счастливцу", порою очень плохо выбранному, за муки капиталистическаго и государственнаго ада.

Распространеніе такого рода актовъ можетъ быть лишь вредно дѣлу соціальной революціи, отвлекая людей преданныхъ и идейныхъ отъ положительной работы сплоченія трудящихся массъ, которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе на исходъ революціонной борьбы и привести къ торжеству идеала анархическаго коммунизма.

Спеціально анархическую окраску террористическіе акты могутъ имѣть не по тому, на что или противъ кого они направлены, но по тому *какъ* они осуществлены.

Въ этомъ дѣлѣ, влекущемъ за собою громадный личный рискъ непосредственныхъ участниковъ его, еще менѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ можетъ быть допустимъ принципъ централизма.

Оно можетъ быть лишь результатомъ личной иниціативы, личной рѣшимости и риска, личной отвѣтственности выполнителей его, и съ нашей точки зрѣнія ни нуждается ни въ какой санкціи, ни въ какомъ указаніи и приглашеніи со стороны, хотя бы и единомышленниковъ, но не принимающихъ самаго близкаго участія въ немъ.

Самому духу анархизма противны „приговоры", „суды", „казни" и тому подобные буржуазные пережитки въ революціонно-соціалистическихъ партіяхъ.

Вынужденные условіями нелегальнаго существованія прибѣгать къ террористическимъ актамъ, анархисты не „судятъ", не „казнятъ": они защищаются или мстятъ.

Они не возводятъ терроризмъ въ принципъ, а смотрятъ на него какъ на крайне тяжелую, но, къ сожалѣнію, при наличности классового и государственнаго гнета неизбѣж-

ную принадлежность партіи, активно борющейся за лучшее будущее для всего человѣчества.

Въ этомъ будущемъ строѣ при отсутствіи всякаго угнетенія человѣка человѣкомъ, обществомъ и государствомъ, сдѣлается ненужнымъ и насильственное противодѣйствіе имъ.



V.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ.

М. Корнъ.

Анархистовъ чаще всего упрекаютъ въ томъ, что они не признаютъ организаціи. Основанъ, однако, этотъ упрекъ на совершенно ложномъ представленіи о томъ, что такое анархизмъ, и что такое организація. Дѣло представляется обыкновенно такъ, что анархизмъ, это — хаосъ, безпорядокъ, вражда каждаго противъ всѣхъ, тогда какъ организація это — гармонія, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы волѣ немногихъ избранныхъ.

Такое узкое пониманіе слова „организація", а также и незнакомство съ основными принципами анархизма, привели къ тому, что по этому вопросу — особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ организаціонные вопросы, въ силу конспиративныхъ условій, пріобрѣтаютъ особенную важность — создалась цѣлая масса предразсудковъ, еще болѣе глубокихъ и укоренившихся, чѣмъ по вопросамъ политики или экономики.

Что такое организація? — Всякое человѣческое общество организовано извѣстнымъ образомъ, и чѣмъ сложнѣе его культура, чѣмъ разнообразнѣе его потребности, тѣмъ болѣе стремится оно къ типу организаціи которая представляла бы одновременный ростъ *общественной солидарности* и *индивидуальнаго развитія* составляющихъ общество единицъ. Общественная связь людей, лишенныхъ чувства независимости и личной иниціативы, можетъ быть только связью между стадомъ рабовъ и управляющимъ ими господиномъ. Съ другой стороны, и развитіе индивидуальности немыслимо безъ одновременнаго развитія общественныхъ, солидарныхъ чувствъ. Что бы ни говорили ницшеанствующіе аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человѣкъ не можетъ мириться съ общественнымъ угнетеніемъ, не можетъ жить въ обществѣ рабскомъ. Если его удовлетворяетъ то, что онъ, лично, стоитъ выше окружающихъ, то его развитіе — однобокое; въ немъ остались неразвитыми лучшія человѣческія чувства, справедливости, симпатіи, солидарности. Вотъ почему, стремленіе къ полному развитію человѣческой личности приводитъ насъ къ признанію наиболѣе полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты, *не вопреки* тому, что мы анархисты, а именно *въ силу этого*.

Не разбирая здѣсь коммунизма вообще, замѣтимъ только, что общее владѣніе орудіями производства и общее пользованіе продуктами труда неизбѣжно требуетъ и соотвѣтственной формы общественной организаціи, и здѣсь вопросъ экономическій тѣсно связанъ съ вопросомъ политическимъ. Нашъ политическій идеалъ извѣстенъ: это — свободный союзъ независимыхъ общинъ, производительныхъ и другихъ группъ, ассоціацій, федерацій. Но это уже составляетъ извѣстную форму организаціи, и притомъ форму, развивающую въ людяхъ большую солидарность, ролѣе полное отождествленіе своихъ интересовъ съ интебесами общественными, чѣмъ какая бы то ни была другая. Эту-то *свободную*, *добровольную* организацію, — это *воль-*

ное соглашеніе мы и противополагаемъ всякой организаціи принудительной, іерархической, и считаемъ, что она дѣлаетъ человѣческій союзъ тѣснѣе и прочнѣе.

Пока рѣчь идетъ только объ общественномъ „идеалѣ“, съ нами еще, пожалуй, соглашаются: „идеалъ“ — дѣло далекое, и въ мечтахъ можно, конечно, позволить себѣ залетать куда угодно, разъ это ни къ чему не обязываетъ *сейчасъ*. Но въ томъ-то и дѣло, что извѣстный общественный идеалъ *обязываетъ сейчасъ*, и для послѣдовательнаго человѣка не можетъ быть раздвоенія; одно — въ идеалѣ, другое, совершенно противуположное — на практикѣ. Предвидятъ исчезновеніе государства не только анархисты, но и соціальдемократы: извѣстную фразу Энгельса на этотъ счетъ не стоитъ повторять. Разница только въ томъ, что Энгельсъ говоритъ, что государство не будетъ уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая разсчитывать на это „само“, находимъ, что должны приложить свои силы для ускоренія этого уничтоженія. Разница еще въ томъ, что предвидя уничтоженіе государства въ будущемъ, соціальдемократы дѣлаютъ въ настоящемъ все для усиленія и распространенія принципа государственности, предоставляя выпутаться изъ этого положенія людямъ того момента, когда произойдетъ „скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы“ и сильное государство перейдетъ въ свою противуположность, т. е. въ полное отсутствіе онаго. Мы же не разсчитываемъ на подобное діалектическое волшебство и считаемъ, что вѣрнѣе всего будетъ позаботиться о своихъ дѣлахъ заблаговременно. „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“.

Находя вреднымъ всякое принужденіе, всякую власть въ будущемъ, мы, поэтому, дѣлаемъ уже въ настоящемъ все возможное, чтобы подорвать ее. Вотъ почему мы исключаемъ всякій централизаторскій элементъ изъ нашихъ партійныхъ организацій.

Понятіе партіи намъ далеко не чуждо, какъ думаютъ многіе. Но мы понимаемъ подъ партіей не совокупность людей, объединенныхъ подъ властью одного центральнаго комитета, а совокупность всѣхъ тѣхъ, кто ставитъ себѣ одну и ту же цѣль и стремится къ ней однохарактерными путями. Въ этомъ смыслѣ анархисты представляютъ собою партію, и притомъ партію *всеміρную*; мы можемъ даже сказать, что рѣдко въ какой партіи единство цѣли такъ велико, и разногласій въ этомъ отношеніи такъ мало.

Что касается средствъ, то они, конечно, мѣняются въ зависимости отъ времени и условій: въ одной странѣ анархисты могутъ ставить на первое мѣсто террористическую партизанскую борьбу, въ другой работу въ профессіональныхъ союзахъ, въ третьей — теоретическую пропаганду въ партійныхъ группахъ; но всѣ эти пріемы дѣятельности не противорѣчатъ одинъ другому, а только дополняютъ другъ друга. Отсутствіе программы-минимумъ, которая могла бы служить источникомъ раздѣленій, и полное согласіе относительно цѣли создаютъ единство ,котораго нельзя достигнуть никакими искусственными мѣрами.

Вотъ почему мы говоримъ объ анархической партіи, единой во всемъ мірѣ. На практикѣ, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно, еще болѣе тѣсная связь, и въ этомъ, болѣе тѣсномъ, смыслѣ мы опять-таки можемъ горивоть объ „анархической партіи“ въ Россіи, во Франціи, въ Испаніи и т. д.

Какъ же представляемъ мы себѣ такую партію, въ послѣднемъ, болѣе узкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ людей, связанныхъ не только общностью идеи, но и практическими сношеніями?

Въ основѣ ея лежитъ *группа* — многочисленная или малочисленная, мѣстная или даже состоящая изъ членовъ, живущихъ въ разныхъ городахъ. Группы многочисленныя обыкновенно удобны только при пропагандѣ массовой и открытой, при которой людямъ нѣтъ особенной надобно-

сти близко знать другъ друга. Но вести какую бы то ни было *практическую* работу, особенно работу конспиративную, въ нихъ, очевидно, невозможно. Партіи централизаторскаго типа обходятъ это затрудненіе тѣмъ, что создаютъ внутри группы комитетъ, вѣдающій болѣе конспиративныя дѣла и вообще играющій руководящую роль. Мы же отвѣчаемъ на этотъ вопросъ иначе. Мы считаемъ, что та же цѣль достигается гораздо лучше созданіемъ большого числа мелкихъ группъ, члены которыхъ хорошо знаютъ другъ друга; въ такихъ группахъ въ подборѣ членовъ будетъ требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по цѣлямъ группы: та, которая задается цѣлями особенно конспиративными, будетъ, разумѣется, наименѣе доступна.

Каждая группа имѣетъ право быть какъ ей угодно строгой въ выборѣ своихъ членовъ, и это нужно запомнить всѣмъ, кто въ силу какого то страннаго предразсудка предполагаетъ, что анархическая организація должна быть открытая, и что въ нее долженъ быть свободенъ доступъ всякому. Мы категорически заявляемъ: нѣтъ, члены группы должны быть хорошо извѣстны другъ другу, и тѣмъ болѣе извѣстны, что они всѣ равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить другъ къ другу какъ можно ближе; если же такая тѣсная связь невозможна, то лучше разбиться на нѣсколько группъ, чѣмъ составлять одну группу изъ разнородныхъ элементовъ. Тѣсная связь членовъ группы между собою устраняетъ многія принципіальныя и практическія затрудненія.

Какъ рѣшаются напримѣръ, спорные вопросы? Разумѣется не большинствомъ голосовъ, потому что мы не придаемъ цѣны числу: сами — вѣчно въ меньшинствѣ (таковъ всегда удѣлъ революціонеровъ , мы знаемъ цѣну численнаго превосходства и не считаемъ рѣшенія правильнымъ, только потому, что за него высказывалось 11 человѣкъ, а не 10. По каждому данному вопросу, въ группѣ *должны придти къ соглашенію*; если же вопросъ настолько важенъ, что никакія добровольныя уступки невозможны,

то непозволительно было бы прибѣгать къ механическому давленію числа: тогда остается только раздѣлиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для опредѣленныхъ цѣлей, должна быть совершенно свободна и автономна въ своей дѣятельности. Она можетъ входить или не входить въ сношенія съ другими группами, устанавливать какія ей угодно связи или соглашенія съ тѣми или другими изъ нихъ, смотря по роду своей дѣятельности. Группы одного города могутъ организовать мѣстную федерацію (такъ происходило въ Россіи повсюду, гдѣ развивалось анархическое движеніе); эти федераціи въ свою очередь, въ интересахъ дѣла, обыкновенно находятъ нужнымъ сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношенія могутъ быть очень различны: возьметъ ли ихъ на себя одна изъ мѣстныхъ группъ, или даже одинъ изъ мѣстныхъ товарищей, почему нибудь легче могущій исполнять это, будутъ ли группы чередоваться въ этомъ дѣлѣ (какъ было одно время въ испанской рабочей федераціи), или сношенія будутъ вестись отдѣльными товарищами, имѣющими личныя связи (какъ обыкновенно происходитъ во французскихъ группахъ) — это зависитъ отъ условій, и принципіальнаго значенія не имѣетъ. Лишь бы каждая группа помнила, что о чемъ бы ни шла рѣчь: о принципіальномъ вопросѣ или подготовкѣ боевого акта, *принятое рѣшеніе всегда обязательно только для тѣхъ, кто принимаетъ его и кто съ нимъ добровольно соглашается.* Это — основной принципъ анархической организаціи, и его мы всегда должны имѣть въ виду при созданіи тѣхъ или другихъ ея формъ.

Помимо постоянной федеративной связи, существеннымъ средствомъ общенія между группами могутъ служить съѣзды. Вопросъ о нихъ поднимался не мало разъ въ анархической прессѣ послѣ исчезновенія Интернаціонала; многіе товарищи высказывались вначалѣ (80-ые годы)

рѣшительно противъ всякаго рода съѣздовъ, и это было въ то время вполнѣ понятно: мысль о возможности такихъ съѣздовъ, гдѣ нѣтъ ни голосованія ни давленія большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднѣе*).

Однако анархисты не отказывались отъ участія на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, не считая возможнымъ чуждаться движенія изъ за организаціоннаго вопроса: они были и на парижскомъ конгрессѣ 1889 года, и на брюссельскомъ 1891-го, и на цюрихскомъ (1893) и на лондонскомъ (1896). И если съ тѣхъ поръ ихъ участіе прекратилось, то потому только, что соціальдемократическое большинство сначала рѣшило закрыть доступъ на конгрессы группамъ, не признающихъ участія въ парламентѣ (Цюрихъ, 1893), а затѣмъ обязало и делегатовъ рабочихъ союзовъ давать подписку о принятіи парламентарнаго символа вѣры (послѣднее было вызвано присутствіемъ на Лондонскомъ конгрессѣ 1896 года большого числа анархистовъ, посланныхъ рабочими союзами).

Участвуютъ наши товарищи и на конгрессахъ рабочихъ союзовъ, не смущаясь тѣмъ, что организаціонныя правила этихъ конгрессовъ во многомъ расходятся съ ихъ собственными. Мы упоминаемъ объ этомъ только потому, что ужъ очень принято говорить объ анархистахъ, какъ о существахъ необщительныхъ и неуживчивыхъ по природѣ, годныхъ только на то, чтобы разрушать чужія организаціи.

Устраивали и устраиваютъ анархисты и свои, чисто анархическіе съѣзды. Въ Бельгіи такіе съѣзды происходятъ періодически, а въ Англіи — разъ въ годъ; собираются, или делегаты всѣхъ существующихъ группъ; или

---

*) Примѣръ существовалъ, однако, въ съѣздахъ англійскихъ рабочихъ союзахъ [трэдъ-юніоновъ]. Рѣшенія ихъ съѣздовъ обязательны только для тѣхъ союзовъ, которые ихъ подтвердятъ у себя, въ союзѣ. Ред.

только изъ нѣсколькихъ городовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ движеніе ведется главнымъ образомъ выходцами изъ Европы, происходятъ такіе же съѣзды анархистовъ различныхъ національностей; ихъ устраиваютъ и наши товарищи, русскіе выходцы, ведущіе пропаганду на еврейскомъ языкѣ. Бываютъ анархическіе съѣзды и въ Голландіи, и даже въ Германіи.

Международные конгрессы анархистовъ всегда встрѣчали большія затрудненія въ виду полицейскихъ преслѣдованій. Неподготовленныя, импровизированныя конференціи происходили въ Цюрихѣ и въ Лондонѣ во время обще-соціалистическихъ международныхъ конгрессовъ. Затѣмъ въ 1900 году долженъ былъ состояться въ Парижѣ серьезный, задолго подготовленный съѣздъ. На призывъ группы товарищей, взявшихъ на себя иниціативу, откликнулись охотно, и ко времени съѣзда въ Парижѣ собралось довольно много анархистовъ, французовъ, итальянцевъ, голландцевъ, испанцевъ, американцевъ и т. д. Было получено больше 90 докладовъ по разнымъ вопросамъ теоріи и практики, а также о ходѣ движенія въ разныхъ странахъ*). Но конгрессъ былъ запрещенъ французскимъ правительствомъ на основаніи исключительнаго закона противъ анархистовъ, и пришлось ограничиться частными совѣщаніями между отдѣльными товарищами. На этомъ конгрессѣ, какъ и на всѣхъ анархическихъ конгрессахъ, должны были читаться доклады, происходить пренія, но не должно было быть никакихъ голосованій, никакихъ обязательныхъ рѣшеній.

Какъ извѣстно, по иниціативѣ бельгійскихъ товарищей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь предполагается устроить международный съѣздъ анархистовъ, на этотъ разъ въ Амстердамѣ. Онъ будетъ происходить по такому же плану.

---

*) Они составляютъ большой томъ, изданный при **Temps Nouveaux** въ Парижѣ. Наше изданіе «Доклады Конгрессу» содержитъ только нѣкоторые изъ нихъ. Ред.

Такіе именно съѣзды признаютъ анархисты, и считаютъ ихъ однимъ изъ важныхъ средствъ для установленія тѣсныхъ связей между дѣйствующими группами.

Какъ смотримъ мы на анархическіе органы, на партійную печать? — Можетъ ли быть у анархистовъ газета, которая бы считалась органомъ всей партіи и оффиціальнымъ выразителемъ ея мнѣній? Очевидно, нѣтъ. Газетѣ приходится заниматься, не только вопросами, на которыхъ всѣ товарищи сходятся, но и такими, въ которыхъ существуютъ разногласія. Въ централизованныхъ партіяхъ, дѣло рѣшается просто: органъ находится въ рукахъ большинства и выражаетъ его мнѣніе, меньшинство же должно молчать. Для насъ такое рѣшеніе, разумѣется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся отъ всякой мысли объ оффиціальномъ органѣ. Газета — выраженіе мысли той группы, которая ее издаетъ; своимъ органомъ ее могутъ считать только тѣ, кто съ нею согласенъ. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящіе иначе на задачи газеты, могутъ издавать другой органъ, и отъ этого между обоими изданіями не происходитъ никакой вражды.*) Въ централизованныхъ партіяхъ, если меньшинство создаетъ свой органъ, то именно всегда противъ большинства. Этимъ оно вноситъ вражду въ партію. У насъ могутъ существовать рядомъ десятки органовъ, нисколько не нарушая товарищескихъ отношеній группъ. Вотъ почему ни одна анархическая газета не считаетъ себя выразительницей мнѣній всѣхъ анархистовъ; не претендуя на это, она и не можетъ зато обѣщать печатать статьи всѣхъ оттѣнковъ анархизма. Она служитъ программѣ и оттѣнку мысли своей группы и тѣхъ, кто согласенъ съ нею. — Эти нѣсколько замѣчаній о газетѣ нужны для русскихъ

---

*) Любопытно замѣтить, что всякій разъ появленіе новаго органа усиливало обращеніе всѣхъ остальныхъ. Заинтересовывались новые круги читателей. Ред.

читателей потому, что у насъ еще не успѣли привыкнуть къ такому складу анархической прессы и понятіе объ оффиціальныхъ партійныхъ органахъ сидитъ еще глубоко.

Отсутствіе у анархистовъ центральнаго учрежденія, которое выражало бы мнѣніе всей партіи, обыкновенно считается причиной того, что у насъ, какъ говорится, „всякій молодецъ на свой образецъ". Но стоитъ только немного подумать, чтобы увидать, что существованіе центральнаго комитета ничего не измѣнило бы. Положимъ, что въ партіи, по какому нибудь вопросу существуетъ разногласіе. При централистической организаціи это разногласіе, разумѣется, не исчезаетъ, а только подавляется дисциплиной; въ результатѣ, меньшинству нѣтъ возможности проводить свою точку зрѣнія на практикѣ, а всѣмъ членамъ партіи — большинству или меньшинству — нѣтъ возможности увидать, какъ рѣшается данный вопросъ самой жизнью. Разногласіе обостряется, создается хроническій внутренній разладъ, сдерживаемый чисто внѣшнимъ образомъ; обѣ стороны, вмѣсто того, чтобы искать точекъ соприкосновенія, все дальше расходятся.

Иначе происходитъ дѣло у анархистовъ. Возникаетъ извѣстный тактическій вопросъ, напримѣръ, о томъ, идти или не идти въ профессіональные рабочіе союзы (такъ было напр. во Франціи въ половинѣ 90-хъ годовъ). Большинство французскихъ товарищей въ предыдущіе годы имѣли много случаевъ убѣдиться въ косности этихъ союзовъ; ихъ умѣренность и политиканство кажутся имъ неисправимыми; они не вѣрятъ въ возможность сдѣлать изъ нихъ орудія революціонной борьбы. Другіе находятъ напротивъ, что есть признаки расширенія задачъ этихъ союзовъ и развитія въ нихъ революціоннаго духа; войдя въ нихъ, они надѣются углубить его. Рѣшайся этотъ вопросъ голосованіемъ на конгрессѣ, большинство было бы несомнѣнно на сторонѣ первыхъ, и вторымъ былъ бы отрѣзанъ всякій путь къ испытанію на практикѣ предла-

гаемаго ими способа дѣйствія. Но произошло иначе. Вопросъ обсуждался въ группахъ, въ газетахъ. Желавшіе вступить въ рабочія организаціи свободно могли поступать, какъ находили лучшимъ. Первые опыты ихъ оказались успѣшными; рабочіе понемногу переставали бояться анархистовъ и пріучались цѣнить въ нихъ преданныхъ и безкорыстныхъ работниковъ. Анархическія идеи прививались. Этотъ жизненный опытъ былъ лучшимъ аргументомъ: число анархистовъ „синдикалистовъ“ быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключеніями, французскіе анархисты признали возможность и необходимость для рабочихъ союзовъ сыграть въ революціонный моментъ рѣшающую роль. Вопросъ рѣшился жизнью, а не голосованіемъ.

Невольно вспоминается, какъ отвѣтила французская анархическая газета *„La Revolte“* на упрекъ, высказанный бывшимъ коммунаромъ Лефрансэ въ брошюрѣ „Куда идутъ анархисты?“ Авторъ упрекаетъ анархистовъ, между прочимъ, въ томъ, что ихъ принципъ: „Дѣлай что хочешь“. Да, говоритъ *„La Revolte“*, „Дѣлай что хочешь“ — нашъ идеалъ общества, и мы считаемъ его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отрицанія власти человѣка надъ человѣкомъ. И развѣ самъ Лефрансэ, и въ 1848 году, и при Имперіи, и во время Коммуны, не показалъ своимъ примѣромъ, что никто никогда не могъ заставить его дѣлать то, чего онъ не хочетъ?

А мы прибавимъ: и не представляетъ ли этотъ принципъ всегда и вездѣ неотъемлемую принадлежность революціонера? Да, анархистъ стремится къ тому, чтобы люди дѣлали то, чего они хотятъ, и своею дѣятельностью надѣятся не **принудить** людей къ извѣстнымъ поступкамъ, а привести къ тому, чтобы они **хотѣли** поступать такъ или иначе. Бороться силою мы будемъ съ

тѣми, у кого сила въ рукахъ и кто насиліемъ удерживаетъ свое господство. Но когда революція побѣдитъ (а внутри революціонной среды—уже и теперь), мы будемъ разсчитывать для дальнѣйшаго распространенія нашихъ идей на одно только вольное соглашеніе.



VI.

ОТНОШЕНІЕ КОММУНИСТОВЪ-АНАРХИСТОВЪ КЪ СУЩЕСТВУЮЩИМЪ ВЪ РОССІИ ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ПАРТІЯМЪ.

И. Вѣтрова.

Вопросъ объ отношеніи коммунистовъ-анархистовъ къ существующимъ въ Россіи политическимъ партіямъ можетъ имѣть двоякій смыслъ: во-первыхъ, онъ можетъ означать *различіе* между теоріей и практикой анархическаго коммунизма и соотвѣтственной теоріей и практикой другихъ партій; во вторыхъ, онъ можетъ означать *возможность или невозможность соглашенія* анархистовъ съ другими партіями.

Будучи понимаемъ въ первомъ смыслѣ, вопросъ получаетъ чисто теоретическій характеръ, и для разрѣшенія его мы должны дать себѣ ясный отчетъ, какъ въ нашей собственной программѣ, такъ и въ программахъ тѣхъ партій, съ которыми мы хотимъ размежеваться. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса потребовало бы цѣлой книги или по крайней мѣрѣ брошюры. Но такъ какъ безъ

предварительнаго его разсмотрѣнія мы не можемъ рѣшить вопроса о возможности или невозможности соглашенія съ другими партіями, то мы должны его разсмотрѣть хотя бы въ краткихъ чертахъ.

Какова же *наша* программа? Каковы программы другихъ партій?

Будучи выражена въ немногихъ словахъ, конечная цѣль нашей программы есть соціализмъ, т. е. обобществленіе земли и орудій труда, но при полномъ отсутствіи государственной власти; средствомъ же для этой цѣли безгосударственнаго соціализма является организація рабочихъ въ синдикатахъ и непосредственная борьба ихъ путемъ революціонной всеобщей стачки, какъ противъ капиталистовъ, такъ и противъ всякой государственной власти. Наша экономическая задача заключается въ упраздненіи всякой прибавочной стоимости, т. е. всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Наша политическая задача заключается въ упраздненіи военныхъ и судебно-полицейскихъ устоевъ власти, составляющихъ краеугольный камень всякаго государства.

Въ противовѣсъ намъ, коммунистамъ-анархистамъ, либеральныя партіи являются врагами соціализма и желаютъ сохраненія существующаго порядка частной собственности; онѣ высоко цѣнятъ военную и судебно-полицейскую силу государства какъ охранительницу этой частной собственности.

Съ другой стороны партіи с. д. и с. р., имѣя ту же конечную цѣль, что и мы, т. е. соціализмъ, полагаютъ однако, что внѣ опеки государственной власти соціализмъ немыслимъ, и къ самому торжеству соціализма стремятся путемъ участія въ современной политической власти.

Либералы жаждутъ власти для того, чтобы закрѣпить существующія монополіи капитала; соціалисты же добиваются власти для того, чтобы уничтожить эти монополіи и урегулировать новый соціалистическій порядокъ собственности съ помощью войска, полиціи и юстиціи.

Изъ всего здѣсь сказаннаго ясно, что между коммунистами-анархистами съ одной стороны, и либералами или соціалистами съ другой — существуетъ непроходимая пропасть. Либералы, какъ и соціалисты, не представляютъ себѣ общественнаго прогресса внѣ участія въ государственной власти; войско, полиція и юстиція одинаково представляются для нихъ необходимыми силами, охраняющими общество. Между тѣмъ, мы, коммунисты-анархисты, видимъ въ государственной власти препятствіе для общественнаго прогресса, а въ войскѣ, полиціи и юстиціи — неизсякаемый источникъ порчи и развращенія всякаго народа. Хотя соціалисты стремятся къ соціализму подобно намъ, но поскольку они и его желаютъ опирать на насиліе государства въ будущемъ, и поскольку стремятся къ нему путемъ участія въ государственной власти въ настоящемъ, постольку они враждебны для насъ не меньше либераловъ.

Всѣмъ, до сихъ поръ сказаннымъ, самъ собою дается вполнѣ отрицательный отвѣтъ на вопросъ о возможности какого бы то ни было соглашенія между нами и какой либо изъ существующихъ политическихъ партій.

Соціалисты вступаютъ иногда въ соглашеніе съ либералами, вопреки полной противоположности ихъ конечной цѣли, потому что и тѣ и другіе одинаково смотрятъ на политическую власть, какъ на единственное средство воздѣйствія на общество. У нихъ *есть* общій врагъ: существующее оффиціальное правительство, желающее ихъ отстранить отъ власти. Отстраненіе отъ власти означаетъ для нихъ потерю всякаго вліянія на общественныя дѣла, и потому они готовы забыть на время свои разногласія, лишь бы завоевать для себя самую возможность общественной дѣятельности — посредствомъ власти. Для насъ же, коммунистовъ-анархистовъ, участіе въ государственной власти является *недопустимымъ*; наше поле дѣятельности — самъ народъ, рабочіе и крестьяне; для того, чтобы работать среди нихъ, у насъ нѣтъ нужды въ какихъ либо другихъ силахъ, кромѣ собственной преданности

нашему идеалу. Вотъ почему мы ни съ какой изъ существующихъ партій, поскольку онѣ принимаютъ участіе въ государственно-политической борьбѣ, ни въ какое соглашеніе вступать не можемъ.

Другое дѣло, если какая либо изъ существующихъ партій, помимо легальной политической борьбы, вступаетъ на революціонный путь. Мы знаемъ, что такія отрадныя явленія имѣютъ иногда мѣсто. Многіе изъ с. д. и с. р. смотрятъ совершенно отрицательно на участіе въ парламентѣ и считаютъ единственно достойной соціалиста работой — организацію самихъ рабочихъ массъ для непосредственнаго завоеванія ими своихъ правъ на землю и орудія труда. Съ подобными революціонными актами мы не можемъ не считаться, хотя вдохновлявшія ихъ авторовъ цѣли разнятся отъ нашихъ собственныхъ. Въ такихъ случаяхъ мы должны привѣтствовать революціонную агитацію другихъ партій, но при этомъ открыто и съ возможно большею энергіей выяснять отличіе нашего идеала отъ идеала этихъ партій.

Если заходитъ, напримѣръ, рѣчь о томъ, чтобы не давать рекрутовъ правительству, или не платить податей, мы должны подчеркивать, что мы стоимъ за то, чтобы народъ не давалъ правительству солдатъ, не только до тѣхъ поръ, пока оно не созоветъ новой Думы, но чтобы онъ *вообще* солдатъ не давалъ, *вообще* налоговъ не платилъ, ибо только въ такомъ случаѣ можно обезсилить ту кучку зловредныхъ паразитовъ, которая образуетъ правительство и съ помощью крови и труда самого же народа угнетаетъ народъ.

Въ заключеніе, еще нѣсколько словъ по поводу нашего отношенія къ представителямъ другихъ партій, какъ къ *лицамъ*. Всегда надо имѣть въ виду, что среди представителей всякой партіи есть лица искреннія, честныя, преисполненныя по отношенію къ народу не менѣе благими намѣреніями, чѣмъ мы. Такъ какъ *на глазъ* никто не можетъ отличить искренняго и честнаго к. д., с. д.

или с. р. отъ неискренняго и нечестнаго, то лучше всего *всегда* предполагать, что вы имѣете дѣло съ противникомъ искреннимъ и честнымъ, и стараться воздѣйствовать на него, не путемъ унижающихъ человѣческое достоинство сомнительныхъ красотъ партійной ругани, а путемъ ясного изложенія своей собственной программы и путемъ не менѣе яснаго указанія недостатковъ программы другихъ партій. Нельзя забывать, что если мы имѣемъ въ настоящее время въ Россіи довольно много анархистовъ-коммунистовъ, какъ среди интеллигенціи, такъ особенно среди рабочихъ, то огромное большинство этихъ нашихъ товарищей еще недавно были с. д., с. р., а иногда и к. д. Идеалъ анархическаго коммунизма, исключающій изъ общественнаго обихода всякое насильственное принужденіе и всякую эксплуатацію человѣка человѣкомъ, какъ и идеалъ чистаго соціализма вообще, настолько прекрасенъ, возвышенъ и выгоденъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ считать его нежелательнымъ. Если порядочные люди говорятъ противъ анархическаго коммунизма, то дѣлаютъ они это не принципіально, а лишь изъ *соображеній „реальной политики“*, или практики. Всѣ существующія рядомъ съ нами партіи являются въ этомъ отношеніи минималистами и постепеновцами, считая при этомъ насъ утопическими максималистами и фантазерами, мечтающими въ нѣсколько дней водворить во всемъ мірѣ анархическій коммунизмъ. Мы должны поэтому особенно подробно развивать ту часть нашей программы, которая касается практики. Мы должны энергично открещиваться отъ обвиненія въ утопизмѣ и фантазерствѣ. Мы должны показать, что настоящими практиками и дѣйствительно реальными политиками являемся только мы, такъ какъ мы одни зовемъ народъ къ непосредственной творческой самодѣятельности въ той сферѣ, которая является единственно полезной.

Когда к. д. зоветъ народъ къ подачѣ голосовъ за реформы въ рамкахъ буржуазнаго строя; когда с. д. или с. р. зоветъ на борьбу за демократическую республику,

долженствующую декретировать соціализмъ, — они дѣйствуютъ съ помощью такихъ силъ, какъ идея представительства и идея государственной регламентаціи, — силъ, которыя имѣютъ реальную опору въ произволѣ суда и въ грубомъ насиліи войска и полиціи, и потому всегда болѣе вредны, чѣмъ полезны. Опытъ повседневной жизни такихъ странъ какъ Франція, Англія, Россія, достаточно ясно говоритъ намъ, что всѣ формы правительства одинаково враждебны соціализму и одинаково борятся противъ голодающаго пролетаріата съ помощью тѣхъ самыхъ солдатъ, суда и полиціи, которые должны были бы защищать народъ. Вотъ отчего всякая партія, которая хочетъ добиться народнаго блага съ помощью правительственнаго насилія, похожа на человѣка, который хочетъ тушить пожаръ съ помощью керосина.

Бороться противъ современнаго политико-экономическаго строя можно *только борясь противъ его реальной опоры* — суда, полиціи и войска во всѣхъ ихъ центральныхъ и мѣстныхъ, декретированныхъ и выборныхъ формахъ. *Настоящимъ соціалистомъ можно быть только будучи анархистомъ.* Всякая борьба противъ капитала должна быть одновременно борьбой и противъ государства, т. е. противъ реальнаго его проявленія — суда, полиціи и войска.

Поскольку мы — анархисты, мы изъ рамокъ *этой* борьбы выходить не можемъ; поскольку мы жаждемъ *скорѣйшаго* осуществленія соціализма, мы не можемъ оставаться равнодушными къ судебно-полицейскимъ и военнымъ устоямъ всѣхъ современныхъ государствъ безъ различія ихъ формъ.

Правда эта борьба больше и безчеловѣчнѣе всего преслѣдуется всѣми правительствами; эта борьба требуетъ отъ насъ наивысшей энергіи и способности къ самопожертвованію; но отъ этого она не дѣлается ни фантастичной, ни утопической. Было время — не очень давно —, когда у насъ казнили, погребали въ тюрьмахъ и ссыла-

ли въ Сибирь сотни и тысячи людей за мысль о конституціи; лучшіе люди удивляли до сихъ поръ весь міръ своимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ во имя ограниченной монархіи или демократической республики. Отсутствіе страха передъ преслѣдованіями правительства и героическая способность къ самопожертвованію всегда являлись отличительными чертами искреннихъ и честныхъ людей, независимо отъ цѣли ихъ борьбы.

Надо надѣяться, что духовный уровень анархистовъ-коммунистовъ въ этомъ отношеніи не ниже средняго уровня сторонниковъ другихъ партій. Если до сихъ поръ, вопреки преслѣдованіямъ правительствъ, находились способные къ самопожертвованію люди для борьбы за конституцію или за государственный соціализмъ, то находились и найдутся подобные же люди и для борьбы за безгосударственный соціализмъ, т. е. за анархическій коммунизмъ. И именно среди наиболѣе самоотверженныхъ с. д. или с. р. или даже к. д., разъ только они ближе познакомятся съ нашей программой, скорѣе всего могутъ найтись люди, которые и впредь, какъ это бывало до сихъ поръ, будутъ переходить въ нашъ лагерь. Намъ нельзя поэтому относиться отрицательно къ сторонникамъ другихъ партій какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, но напротивъ, уважая ихъ какъ людей, стараться привлечь ихъ на свою сторону, оставаясь въ то же время вполнѣ непримиримыми по вопросу о соглашеніяхъ съ ними какъ съ партійными людьми.

Полная терпимость къ людямъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали; полная непримиримость по отношенію къ программамъ другихъ партій, независимо отъ степени ихъ расхожденія съ нашимъ основнымъ принципомъ — стремленіемъ къ безгосударственному соціализму путемъ борьбы съ судебно-полицейскими и военными устоями всѣхъ правительствъ, а также путемъ непосредственной организаціи рабочихъ массъ въ синдикатахъ и подготовки ихъ къ

послѣдней — всеобщей стачкѣ и захвату всѣхъ накопленныхъ вѣками богатствъ въ общую собственность всего народа!

Таково должно быть наше отношеніе къ партіямъ, борющимся рядомъ съ нами противъ произвола правительства и противъ эксплуатаціи капитала. Борьба всѣхъ существующихъ, кромѣ насъ, партій только менѣе принципіальна, чѣмъ наша, и бьетъ мимо цѣли на практикѣ: вмѣсто того, чтобы стараться разъ навсегда упразднить государственную власть, она хочетъ ее облагородить, что равносильно желанію облагородить профессіональнаго палача. Но мы никогда не должны забывать ни про героизмъ многихъ изъ представителей другихъ партій, ни про жестокія преслѣдованія, которымъ подвергаетъ ихъ русское правительство. Помня это, мы не будемъ отказываться отъ извѣстнаго общественно-полезнаго дѣла (напримѣръ, отъ синдикализма) только потому, что его уже дѣлаютъ другія партіи: какъ будто рѣшительно все что дѣлаютъ другія партіи, только плохо и скверно! Помня это, мы будемъ меньше заниматься партійной руганью съ другими партіями, чѣмъ интенсивной борьбой съ нашими врагами — государствомъ и капиталомъ.

VII.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.

М. Изидина.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ, который еще такъ недавно обходила молчаніемъ почти вся соціалистическая литература, за исключеніемъ анархической, въ послѣдніе годы выступилъ на первый планъ во всей Европѣ. Это случилось благодаря развитію въ революціонномъ направленіи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, которые теперь играютъ все большую роль въ соціалистическомъ движеніи и постепенно отодвигаютъ на задній планъ парламентскія соціалистическія партіи. На всѣхъ интернаціональныхъ и національныхъ конгрессахъ, соціальдемократіи приходится обсуждать этотъ вопросъ, отъ котораго еще такъ недавно она отдѣлывалась извѣстной фразой: „Всеобщая стачка есть всеобщая безсмыслица"; а послѣдній международный конгрессъ (амстердамскій) призналъ, хотя и неохотно, всеобщую стачку допустимымъ орудіемъ борьбы.

Въ Россіи идея всеобщей стачки выросла съ удиви-

тельной быстротой. Еще какихъ нибудь 5-6 лѣтъ тому назадъ заговорить о ней значило заговорить на какомъ-то чужомъ, непонятномъ ни для кого языкѣ. Можно ли думать, говорили намъ, о подобномъ средствѣ борьбы въ странѣ, гдѣ даже самая мелкая стачка — преступленіе, и существующій правительственный строй дѣлаетъ невозможнымъ движеніе, требующее открытой и широкой пропаганды, необычайной предварительной организаціи, замѣчательнаго единства дѣйствія. На дѣлѣ оказалось, однако, что какъ только русское рабочее движеніе выросло настолько, что почувствовавъ свою силу, вышло на улицу, оно приняло всеобщую стачку какъ самое лучшее, самое вѣрное средство борьбы. Первымъ крупнымъ движеніемъ этого рода были южно-русскія стачки 1903 года; затѣмъ грандіозная стачечная волна прокатилась по всей Россіи послѣ 9 января; наконецъ октябрьское движеніе 1905 г., пріостановивъ экономическую жизнь столицъ и оторвавъ Россію отъ всего остального міра, оказалось, по высотѣ революціоннаго настроенія и по своему могуществу, самымъ знаменательнымъ изъ протекшихъ до сихъ поръ моментовъ русской революціи. Этому движенію удалось сдѣлать то, чего не могла достигнуть ни идейная пропаганда, ни всеобщая ненависть къ господствующему политическому строю, ни полувѣковая борьба революціонеровъ, ни героизмъ террористическихъ актовъ: правительство сдалось, оно оказалось безсильнымъ передъ напоромъ всеобщей стачки. Цѣнны здѣсь для насъ, конечно не сами уступки, а тотъ путь, которымъ онѣ были достигнуты. Спеціально рабочее орудіе борьбы — стачка — до сихъ поръ служившее лишь для завоеванія отдѣльныхъ частичныхъ улучшеній, поднялось здѣсь на высоту средства борьбы съ цѣлымъ режимомъ; эту борьбу цѣликомъ вынесли на себѣ рабочіе; какъ рабочіе, силою давленія своихъ профессіональныхъ организацій, они добыли свободу печати, завоевали себѣ захватнымъ порядкомъ право собраній и свободу слова и показали путь, какимъ придется бороться и въ будущемъ. Всеобщая стачка и за-

хватный порядокъ — два тактическіе пріема близкіе анархическому міросозерцанію — были именно въ Россіи проведены въ жизнь полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Отрицать силу и значеніе всеобщей стачки послѣ такого опыта — невозможно. Но этого мало: необходимо выяснить, подъ какими лозунгами идетъ и можетъ идти борьба, какъ организуется она, къ какимъ результатамъ приводитъ. Соціальдемократія, признавъ въ резолюціи Амстердамскаго конгресса всеобщую, или, по принятой формулировкѣ, „массовую" стачку пригоднымъ орудіемъ борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшила заявить, что ея „массовая стачка" не есть „всеобщая стачка" анархистовъ. Въ чемъ же различіе, и что понимаемъ подъ всеобщей стачкой мы?

Идея всеобщей стачки — идея не новая. Она возникла въ западной Европѣ въ процессѣ рабочей борьбы, той стачечной борьбы, которая всегда была одной изъ главныхъ формъ протеста рабочаго класса противъ капиталистическаго гнета. Стачки болѣе или менѣе обширныя и революціонныя, велись во всѣхъ странахъ по различнымъ поводамъ и съ разными цѣлями — экономическими и политическими, профессіональными и общими. Но одна черта объединяла всѣ эти движенія: они сплачивали рабочихъ, противупоставляя ихъ буржуазіи, какъ одно солидарное цѣлое, наглядно показывали дѣленіе общества на трудящихся и не трудящихся, на производителей и паразитовъ. Въ этомъ—соціалистическое значеніе стачечной борьбы. На ней рабочіе научились сознавать свое могущество и смотрѣть впередъ, уже не только на улучшеніе своего положенія, но и на свое полное освобожденіе. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Интернаціоналъ явился выразителемъ этихъ стремленій и провозгласилъ два великіе принципа: международную солидарность и рабочую самодѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же заговорили о всеобщей стачкѣ. Вопросъ былъ поднятъ сначала на Брюссельскомъ конгрессѣ (1868 г.), затѣмъ болѣе подробно разбирался на Женевскомъ конгрессѣ

1873 года, уже послѣ раскола въ Ассоціаціи; отмѣтимъ, что поставила и обсуждала его именно федералистическая часть Интернаціонала, та, во главѣ которой стояла знаменитая Юрская федерація. Въ послѣдующіе годы, однако, мы не видимъ дальнѣйшаго развитія этой идеи, какъ не видимъ и попытокъ ея практическаго осуществленія. Причина этого, съ одной стороны — общая реакція, охватившая Европу послѣ пораженія Коммуны, съ другой — то направленіе (тоже реакція въ соціализмѣ), которое приняло рабочее движеніе. Въ предыдущіе годы, цѣлый рядъ революціонныхъ движеній вызвалъ много перемѣнъ въ политическомъ строѣ европейскихъ странъ: были завоеваны, гдѣ республика, гдѣ всеобщее избирательное право, гдѣ другія политическія реформы. Среди соціалистовъ возникло и укрѣпилось направленіе, возлагавшее на эти новыя учрежденія всѣ надежды; рабочіе — какъ у насъ теперь — еще не имѣли случая въ нихъ разочароваться. Принципъ рабочей солидарности былъ забытъ, а съ нимъ была оставлена и мысль о всеобщей стачкѣ. Парламентаризмъ и легальная политика надолго отвлекли вниманіе отъ чисто-рабочихъ способовъ борьбы.

О всеобщей стачкѣ вспомнили больше 16 лѣтъ спустя, когда въ 1885-87 г. г. въ Америкѣ поднялось сильное движеніе въ пользу 8 ми часового рабочаго дня. Это было именно то движеніе, которое послужило началомъ первомайскихъ манифестацій, и мы не можемъ не напомнить всѣмъ, кто теперь принимаетъ участіе въ демонстраціяхъ 1 го мая, что за него поплатились жизнью наши товарищи-анархисты, повѣшенные въ Чикаго 11 ноября 1887 г. — Вскорѣ мысль о всеобщей стачкѣ перенеслась въ Европу и быстро стала пріобрѣтать себѣ сторонниковъ, особенно среди французскихъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ надъ ней стали задумываться, измѣнился и самый взглядъ на нее: изъ средства достиженія уменьшенія рабочаго времени, увеличенія заработной платы и т. под., она стала въ глазахъ рабочихъ, средствомъ *полнаго освобожденія* рабочаго класса.

Въ 1888 году во Франціи происходилъ съѣздъ рабочихъ союзовъ; на немъ въ первый разъ вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ поставленъ и разрѣшенъ именно въ этомъ смыслѣ. На слѣдующихъ конгрессахъ, въ 1892 и 1893 г.г., онъ снова обсуждался; пренія были очень горячія, новая идея встрѣтила сильный отпоръ въ соціальдемократическихъ рядахъ. Рѣшительнымъ моментомъ былъ съѣздъ 1894 года, въ Нантѣ: обѣ партіи выставили самые убѣдительные аргументы, самыхъ лучшихъ своихъ ораторовъ; весь съѣздъ былъ поглощенъ этимъ вопросомъ. Наконецъ идея всеобщей стачки была окончательно признана, и съ тѣхъ поръ стала лозунгомъ французскаго рабочаго движенія, основною чертою того теченія, которое въ послѣдніе годы приняло названіе „революціоннаго синдикализма“.

Какъ всякая новая идея, однако, всеобщая стачка не сразу приняла во взглядахъ нашихъ западно европейскихъ товарищей ту форму, въ которой мы находимъ ее теперь. Вопросы выяснялись мало по малу. Много заблужденій отошло въ вѣчность. Практика стачекъ, частныхъ и общихъ, дала рядъ указаній и помогла разрѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть и какъ можетъ произойти всеобщая стачка. Во первыхъ, что такое *всеобщая* стачка? Неужели ждать, пока *всѣ* рабочіе *всей* страны бросятъ работу? Практика показала, что это совершенно лишнее, что при наличности горючаго матеріала въ рабочей средѣ достаточно пріостановки одной какой нибудь отрасли, важной для общаго хода экономической жизни. Особенно грозными оказывались всегда стачки желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ и служащихъ; не даромъ правительства (во Франціи, въ Италіи, въ Голландіи и т. д.) пытались и пытаются внести такіе законы, которые бы предотвратили эти стачки, или путемъ полнаго запрещенія ихъ, или путемъ призыва желѣзнодорожниковъ на военную службу въ моментъ стачки, или путемъ замѣны

стачечниковъ солдатами. Въ Россіи звѣрскія правительственныя убійства на линіяхъ желѣзнодорожныхъ дорогъ, карательные поѣзда, постоянная посылка войскъ на станціи — лучшіе свидѣтели паническаго страха внушаемаго желѣзнодорожной стачкой. Кромѣ того, всякая стачка, охватившая какую нибудь важную отрасль промышленности, неизбѣжно ведетъ къ пріостановкѣ работъ въ другихъ отрасляхъ съ нею связанныхъ и заставляетъ бастовать поневолѣ цѣлую массу рабочихъ. Это — одинъ изъ путей расширенія стачки; другой — самый существенный — вытекаетъ изъ накопившагося недовольства, изъ заразительности примѣра, изъ духа рабочей солидарности. Быстрота и легкость, съ какою рабочимъ въ Россіи удавалось во время стачки снимать работавшихъ, закрывать фабрики и мастерскія и въ нѣсколько часовъ остановить жизнь любого промышленнаго центра, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что для успѣха стачки вовсе не нужно, чтобы къ движенію *заранѣе* примкнули всѣ рабочіе.

Вопросъ о предварительной организаціи всеобщей стачки, объ управленіи ею, о декретированіи ея въ опредѣленный моментъ, — тоже одинъ изъ важнѣйшихъ, въ практическомъ отношеніи вопросовъ. Относительно его существуетъ, въ Россіи въ особенности, много заблужденій и предразсудковъ; Россія еще имѣетъ мало опыта въ *массовыхъ* революціонныхъ движеніяхъ и русскіе дѣятели склонны придавать преувеличенное значеніе рѣшеніямъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ организацій, забывая, что жизнь партіи и жизнь массового движенія слѣдуютъ совершенно различнымъ законамъ. Вотъ почему стачки декретированныя никогда не удавались, а тѣ которые возникали стихійно, принимали неожиданно широкіе размѣры и разростались въ грандіозныя революціонныя движенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ развивается обыкновенно стачка, когда она становится всеобщей? Начинаютъ бастовать по какому нибудь поводу рабочіе одного завода или одной мастерской; затѣмъ, если настроеніе боевое, ихъ требованія поддерживаютъ рабочіе другихъ заводовъ,

попутно выставляя и свои. Стачка разростается, питаясь сопротивленіемъ хозяевъ и начинающимися правительственными репрессіями. Начинаются собранія, демонстраціи, возникаютъ „стачки изъ солидарности" въ другихъ отрасляхъ. Если движеніе идетъ достаточно быстро и подъемъ духа силенъ, рабочіе закрываютъ все, что еще работаетъ, стачка становится всеобщей. Въ этотъ моментъ городъ — а иногда и цѣлый рядъ городовъ — фактически во власти рабочихъ. Это — самый рѣшительный, самый критическій моментъ движенія; отъ него зависитъ вся судьба его. И вотъ во взглядѣ на этотъ-то моментъ мы рѣшительнѣе всего и расходимся съ соціалистами государственниками всѣхъ фракцій.

Самый важный вопросъ въ это время: останется ли всеобщая стачка мирной: „стачкой со сложенными руками", или же станетъ революціонной, перейдетъ въ наступленіе? Мы отвѣчаемъ: чтобы движеніе быстро не пошло на убыль, этотъ второй шагъ необходимъ. Нашъ отвѣтъ вполнѣ сходится съ тѣмъ, какой даютъ французскіе рабочіе, лучше всѣхъ другихъ разработавшіе вопросъ о возможномъ характерѣ и исходѣ всеобщей стачки. Вотъ что говорится, напримѣръ, въ одной брошюрѣ Пеллутье*), одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей рабочихъ союзовъ во Франціи: „Всеобщая стачка не будетъ движеніемъ мирнымъ, потому что если бы даже такое движеніе было возможно, оно не привело бы ни къ чему. Если говорить о томъ, у кого будетъ больше средствъ, то преимущество всегда останется на сторонѣ богатыхъ; побѣдить деньги можетъ только сила. Иногда говорятъ, что рабочіе могутъ сдѣлать себѣ запасы заранѣе; но вѣдь буржуазія можетъ сдѣлать это еще легче! Допустимъ, однако, что съ обѣихъ сторонъ окажется одинаковое количество запасовъ. Ну, а когда они выйдутъ, что тогда? Представьте себѣ такую сцену: съ одной стороны — буржуа, съ другой — рабочіе, всѣ — голодные, а между ними

*) *„Qu'est ce que la Greve Generale"*.

въ бездѣйствіи, всѣ средства производства, т. е. путь къ тому, чтобы утолить свой голодъ... Допустимъ даже, что буржуа уступятъ первые. Чего же потребуютъ отъ нихъ рабочіе? Полнаго отреченія? Тогда, разъ ужъ погибать, буржуа предпочтутъ попытать счастья въ борьбѣ, и всеобщая стачка превратится въ революцію. Но возможно, что рабочіе потребуютъ, только нѣкоторыхъ уступокъ.., но тогда черезъ нѣсколько лѣтъ, та же исторія возобновится: Нѣтъ, я говорю прямо, что всеобщая стачка, это — революція."

Брошюра Пеллутье была написана лѣтъ 8 — 9 тому назадъ, и вотъ что говорилось въ 1900 году на съѣздѣ французскихъ рабочихъ организацій въ Парижѣ: „Если вы стремитесь ко всеобщей стачкѣ, говоритъ одинъ делегатъ, вы должны подумать о томъ, что послѣдуетъ за нею, о роли рабочихъ послѣ побѣды. Нужно напримѣръ, чтобы булочники знали, сколько хлѣба нужно напечь для данной мѣстности, какими средствами они для этого располагаютъ и т. д." „Когда мы провозгласимъ всеобщую стачку, говоритъ другой, мы должны будемъ имѣть смѣлость сдѣлать ее революціонной... Она будетъ пробужденіемъ рабочей энергіи, завоеваніемъ всѣхъ орудій производства." Третій объясняетъ: „Если мы устроимъ всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладѣть средствами производства; чтобы отнять ихъ у имущихъ классовъ, которые, конечно, не захотятъ отдать ихъ добровольно. Нужно, поэтому, чтобы всеобщая стачка приняла революціонный характеръ; къ этому ее приведутъ, впрочемъ, сами событія." Тотъ же взглядъ проводится и въ рядѣ статей о всеобщей стачкѣ помѣщенныхъ въ сборникѣ „Всеобщая стачка и соціализмъ", изданномъ года полтора тому назадъ Лагарделемъ.*) Передъ Амстердамскимъ конгрессомъ редакція журнала „*Mouvement Socialiste*", издаваемаго имъ, разослала вид-

---

*) „*La Greve Generale et le Socialisme*".

нымъ дѣятелямъ соціализма и рабочаго движенія рядъ вопросовъ относительно ихъ пониманія всеобщей стачки. Отвѣты соціальдемократовъ выражаютъ, или совершенно отрицательное отношеніе къ ней, или крайне съуживаютъ ея задачу; отвѣтъ представителей рабочихъ организацій, особенно французскихъ, носятъ обратный характеръ. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ Гриффюэль, секретарь французской Всеобщей Конфедераціи Труда: „Всеобщая стачка, въ ея современномъ видѣ, не является для рабочихъ простой пріостановкой работы: она есть завладѣніе всѣмъ общественнымъ богатствомъ, которое будетъ затѣмъ эксплуатироваться корпораціями, въ частности синдикатами, въ пользу всѣхъ ... “

Такое пониманіе всеобщей стачки есть и наше пониманіе. Оно естественно вытекаетъ изъ нашей основной точки зрѣнія непосредственной *экономической* революціи, непосредственнаго захвата рабочими всѣхъ орудій труда и наличныхъ богатствъ, — и тѣсно связано съ нею. Вотъ почему этотъ взглядъ никогда не будетъ раздѣляться тѣми соціалистическими партіями, которыя идутъ къ соціализму черезъ захватъ власти, и почему между соціальдемократическимъ пониманіемъ всеобщей стачки и нашимъ всегда будетъ цѣлая пропасть.

Итакъ, *для насъ*, всеобщая стачка — разростающаяся сама собою, стихійно, благодаря боевому настроенію рабочей среды, а не декретированная какимъ нибудь центральнымъ органомъ — первый шагъ революціи, шагъ, который долженъ дезорганизовать буржуазныя и государственныя силы и крайне затруднить для нихъ борьбу. За этимъ шагомъ долженъ послѣдовать второй — *экспропріація*. Всеобщая стачка, въ нашихъ глазахъ, — слишкомъ могучее средство для достиженія политическихъ реформъ или частичныхъ улучшеній. Когда,

хоть на одинъ день, рабочіе становятся господами положенія, не воспользоваться этимъ для рѣшительнаго боя и для рѣшительной побѣды мы считаемъ положительно преступнымъ. Пора уже, чтобы рабочія силы и рабочая кровь перестали тратиться даромъ.